

Игорь Резников

Хочу в СССР?

Игорь Всеволодович Резников

Хочу в СССР...?

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41863054

Хочу в СССР...? / Игорь Резников: Деловой двор; Москва; 2018

ISBN 978-5-91550-2054

Аннотация

Жанр этой книги можно определить как зарисовки или короткие рассказы из жизни автора, его друзей и знакомых. Время действия – начало 60-х – конец 80-х годов прошлого столетия, т. е. главным образом из советского периода жизни (что отразилось и в названии книги), и совсем немного – из настоящего. География событий – не только город Минск, где постоянно проживает автор, но и другие регионы СССР, в которых ему доводилось бывать. Отдельные преувеличения и вольные трактовки могут присутствовать, но все описанные события действительно имели место. Книга читается легко и практически с любого места. Мягкая ненавязчивая ирония оптимистична, хотя иногда и печальна. Но ведь в жизни чаще всего именно так и случается: грустное и смешное – рядом!

Содержание

Память-раскраска	4
Зарисовки. Часть первая	9
Реклама, названия, объявления	20
Куда уходит детство	42
Здравствуй, школа! И прощай	90
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Игорь Резников Хочу в СССР...?

Память-раскраска

Предисловие первое, желательное

Поздновато, конечно, начинать в 60 лет. Да и вышло это откровенно случайным образом. Родилось из бытовой переписки с родственниками и друзьями, коих жизнь раскидала по всему свету.

По сути, я ничего такого и не пишу. Жизнь написала всё за меня и продолжает это делать. А память лишь выдерживает, подобно хорошему коньяку. Знай себе, дорисовывает «звёздочки» лет, сохраняя не столько события, сколько их «послевкусие».

Почему вдруг «раскраска»? Исключительно по способу написания. Произвольно всплывают разрозненные картинки из глубины памяти. Они уже сами по себе наполнены цветом и ароматом. Иногда даже вкусом. Единственное, что делаю – раскрашиваю эмоциями в меру сил и способностей. Увлекательнейшее занятие, я вам доложу! Право не знаю, можно ли это назвать графоманией, но я помаленьку втянулся.

Есть причина и сугубо эгоистическая. Довольно скоро я понял, что печальные события память воспроизводит смутно и расплывчато. И только нечто забавное, греющее душу, принимает конкретные очертания и начинает «играть красками». Вот так, вольно или невольно, придумал затейливый способ поднимать себе настроение. «Человечество должно весело расставаться со своим прошлым». Если эту мысль действительно первым высказал Карл Маркс, то прошу считать меня марксистом.

Теперь о вынесенном в заглавие вопросе. Хочу ли я сам в СССР? Отвечу: нет, однозначно не хочу. И отнюдь не потому, что там, в СССР, мол, было плохо. Я родился в той стране и прожил в ней большую часть своей жизни. Никаких персональных обид или претензий личного свойства к советской власти припомнить не могу. Не привлекался, в КПСС не состоял, правительственными наградами удостоен не был. Родственников за границей не имел. Октябренок, пионером и комсомольцем, само собой, был. Причём вполне примерным. Чего же мне-то грешить на судьбу? В целом, благоволила. И, всё равно – не хочу обратно. Наверное, это свойство моего характера – не испытывать ностальгии по прошлому. По людям – да, а вот по времени или месту – нет.

Признаемся себе, что наша «советскость» (терпеть не могу уничижительное «совок») особо никуда и не девалась. Мы её давно «взяли на себя и с честью несём» (М.М.Жванецкий). И, похоже, долго ещё нести будем. Потому не удиви-

тельно, что все мои картинки – оттуда, из советского времени. Даже если про настоящее, всё равно – оттуда. Состояние души не вытравить из мыслей и поступков, всего лишь назвав страну по-другому. Что-то подсказывает, что и Моисеевых сорока лет маловато будет.

И ещё. Не нужно в моих зарисовках искать политику: её там нет. Хотя... Если верить Ленину, литература (в смысле, печатное слово) не бывает беспартийной. Тогда выходит, что вроде как есть. Да и Бог с ней, с политикой. Не интересно мне об этом.

Буду рад, если получится хоть немного вас развлечь или хотя бы отвлечь. Право слово, нельзя же постоянно относиться к себе с такой серьёзностью, как мы привыкли это делать! «Человек должен уметь иногда посмеяться над собой. Иначе он сойдёт с ума». Так написал Рафаэль Сабатини в моей с детства любимой «Одиссее капитана Блада».

Предисловие второе, не обязательное

Когда возникла идея собрать написанные в разное время обрывки, клочки, зарисовки и объединить их в некую систему, я поставил перед собой ряд граничных условий. Скажем так: для самодисциплины.

- Вовремя останавливаться. Не пытаться объять необъятное.
- Ничего не придумывать намеренно. Хватит и того, что

память самовольно посчитала за объективное (всё равно не умею с ней спорить).

- Не пытаться увязать логически (хронологически, тематически) то, что не хочет увязываться.

- Не назидать, не поучать и не обобщать. Пресекать на корню любые попытки делиться жизненным опытом. Его ценность даже для меня не очевидна.

- Не персонифицировать. Кроме случаев, когда считаю это необходимым. Скажем, из уважения к конкретному человеку. Особенно если его уже нет в живых.

- Не говорить ни о ком плохо. По возможности, конечно.

- Не писать о политике. И – опять же по возможности, – даже не поминать её всуе.

- Не злоупотреблять цитатами. Поскольку знаю за собой такую слабость.

- Не пересказывать «бородатые» анекдоты или чужие остроты. Кроме случаев, когда автор лично симпатичен или достоверно известен.

- Проверять факты, которые возможно проверить. Если уж привираешь, то глупо и обидно попадаться на мелочах.

К сожалению, вынужден констатировать, что все эти благие намерения по большей части таковыми и остались. Но, честное благородное слово, я очень старался.

Вот прямо сейчас же и нарушу данное себе обещание. Потому что лично мне эта мысль Фридриха Наумовича Горенштейна объяснила очень многое. Например, почему пишет-

ся не то, что хочется, а лишь то, что получается. Ну, и вообще, зачем я всё затеял.

«Память – дело тайное, ждущее сенсационных открытий. Может быть, поняв механизм памяти, можно понять психологию времени. Время ведь не сплошное, а прерывистое, сотканное из отдельных кусков, далеко не равноценных и часто абсолютно лишних. Впрочем, кто знает, что в этом мире лишнее, что необходимое» (Рассказ «Арест антисемита».)

P.S. Мне очень понравилась идея Вячеслава Солдатенко (Славы Сэ) при появлении в тексте аллюзии на нечто общеизвестное помечать её значком ©. Так сказать, ненавязчивая дань уважения чужому авторству. Пожалуй, тоже попробую.

Зарисовки. Часть первая

Вообще-то зарисовки – в моем понимании – должны носить характер некой абстрактной обезличенности. Вроде как бы сторонний наблюдатель отрешённо излагает. Если случается такое написать, сильно радуюсь. Но подобная удача выпадает редко. Сплошь и рядом получается лишь нечто личное. Иногда глубоко личное, почти интимное.

В этой части изложены фрагменты, которые объединить какой-либо общей идеей даже и не пытался. Различные темы, времена, случайные события, подслушанные, подсмотренные или прочитанные ситуации, – короче, сборная солянка. Вот и назвал с некоторой претензией: «Зарисовки».

* * *

Дети подарили мне новый телефон. Благодаря чему возник повод провести ревизию телефонной книги. Обнаружились неопознанные номера. Некий Анатолий. Хоть позвони и сам у него спроси: ты кто? Или какой-то Саша. Наморщил ум, но так и не вспомнил.

Нашёл немало контактов, утративших актуальность. По большей части, случайное одноразовое общение или давно вычеркнули друг друга из жизни.

Увы, среди последних есть телефоны друзей и близких, кого безжалостно вычеркнула сама жизнь. Их удалить – рука не поднялась. Так и оставил.

Сын, переносивший номера абонентов из одного аппарата в другой, поинтересовался, кто это там у меня называется «Мама». А то был просто номер домашнего телефона. Мамы уже давно нет...

* * *

У мамы прохудился рассекатель. Стал крошиться, кусочками проваливаясь внутрь себя и оставляя после мусор и грязь. Рассекатель – это такой специальный металлический прибор с дырочками, который надо класть на горелку газовой плиты под кастрюлю или сковороду. Чтобы поверхность равномерно прогревалась. А маме ж без рассекателя ну совершенно никак! Попросила купить новый. Я честно пообещал.

Стал искать по хозяйственным магазинам. «Нет ли у вас иголок для ножной швейной машинки «Zinger» 1895 года выпуска?» – «Ой, извините. Только вчера закончились. Не успевают подвозить! Но через неделю обещали». Что-то примерно в этом роде.

И вот в одном магазине на краю города (за кольцевой), к большому моему изумлению, увидел на витрине искомый объект. По какой-то совершенно смешной цене. Выбил в

кассе, попросил девочку-продавца упаковать. Она пригласила подружку и обе барышни, застенчиво извиняясь, спросили, что это я у них покупаю. А то лежит-лежит, а назначения никто не знает. Говорят, знала одна тётя в отделе, но ушла на пенсию. Пришлось удовлетворить их любопытство.

Рассекатель был щедро обработан маслом. Это очень предусмотрительно: мыть водой его нельзя (ржавеет), а если выжигать смазку прямо на плите, то вонь и дым, понятное дело, стоят на всю квартиру и её окрестности. Однако выбора не было. Девочки не пожалели оберточной бумаги, и я, совершенно счастливый, отправился радовать маму.

На мою беду в тот день предстояло много перемещений на метро. А в городе как раз была объявлена повышенная антитеррористическая безопасность. И повсюду на входе бдительно нёс службу человек с металлоискателем, в погонах и при оружии. Каждого мента интересовало, что это за диковинный «аллах акбар» везу. Терпеливо объяснял, куда и зачем еду. Рассказывал про маму. Хорошо, что в тот день вышел в город не только без бороды, но и вообще чисто выбритым.

* * *

Метро. Центральная пересадочная. Час пик, все бегут. Посреди платформы стоит мальчик. Печальные карие глаза отрешённо смотрят сквозь непрерывное людское мельте-

шение. На юной симпатичной физиономии застыло немного обиженное выражение. Занятой люд на бегу огибает его справа и слева, оставляя примерно по метру свободного пространства и снова смыкаясь за ним в единый поток. А он стоит твёрдо, привычно расставив ноги на ширину плеч и сложив руки за спину. На поясе матовым блеском тускло отсвечивают наручники, тут же висят резиновая дубинка и пистолет в кобуре. Мальчик одет в милицейскую форму.

* * *

Я очень люблю свой район. Центр города, зеленый и красивый. Рядом – озеро, река и большой парк. Но беда пришла, откуда не ждали. Если в прежние времена военный парад проводился на Центральной площади, то лет 10 назад он переместился почти ко мне на дом.

Кто-то мудро придумал, что значительно удобнее наблюдать парад хоть и краем глаза, зато прямо с балкона. И теперь в праздничный день 3 июля (День независимости Республики Беларусь) где-то в 8 утра нас будят настойчивым звонком в дверь два парадно одетых милиционера. И очень вежливо просят на балкон не выходить, окна не открывать и, по возможности, к ним не подходить вообще. По причине СПЕЦМЕРОПРИЯТИЯ. Робкие увещевания, что из наших окон ничего, кроме небольшого кусочка улицы и растущих в сквере напротив деревьев не видно, милицию не убеждают:

у неё приказ.

А мама такой человек, что если бы её специально не просили на балкон не ходить, то, скорее всего, и не пошла бы. Но раз попросили, то уж пойдёт непременно. Ну, любопытно же. Выходит на балкон, открывает настежь одну створку застекления, располагаясь основательно и приступает к вдумчивому изучению обстановки.

А в скверике под балконом несут дежурство трое бойцов. В штатском, но с пружинчатыми проводками, торчащими у каждого из уха. Да ещё и рация постоянно что-то гундосит. Мама смотрит на них сверху вниз, они смотрят на маму. И начинают жалобно так енчить: «Бабулечка! Дорогая вы наша! Уйдите, пожалуйста, с балкона! Начальство увидит – нас очень ругать будет!». И ведь знают же, чем пронять бабушку... Конечно же мама не может допустить, чтобы кого-то из за неё ругали, и великодушно покидает обзорную позицию.

* * *

В другой раз уже я вышел на балкон покурить. Жарко ведь, лето в разгаре. А почему, собственно, если у них СПЕЦМЕРОПРИЯТИЕ, так я на своем персональном балконе и курить не могу?! Ну, выкурил себе пару сигарет (минут 10, не особо наглея) и покинул балкон.

Через короткое время раздаётся звонок в дверь. Стоят те же два милиционера, которые заходили утром. «Мы же Вас

просили на балкон не выходить! Ну, что же Вы так?». Дальше – ещё интереснее: «А то снайпер засёк Вас и сообщил нам по рации». Вот это неожиданный поворот! Несколько обалдевший, я попросил ребят передать снайперу респект за то, что не пристрелил сразу. И на том спасибо.

Странно, но в этом году на 3-е июля никакие милиционеры нас поутру своими грозными наказами не беспокоили. Даже тревожно стало. Они – что там? Бдительность утратили, что ли?!

* * *

На даче у родителей моей жены росли яблоки. И каждый год случалась плановая беда. Когда яблоки не уродились – трагедия. А если, не приведи Господи, урожай – то ещё большая. Что с ними делать и куда девать? – Ну, что делать, что делать? Употреблять в пищу. Сколько получится.

На кухне стоял огромный таз, а иногда ещё и ведро с яблоками. Те что начинали чуть-чуть портиться оттуда извлекались, мылись и с вырезанными ножиком подгнившими местами выставлялись на стол для еды. Пока успевали съесть стоявшие на столе в миске, остальные тоже, мягко говоря, дозревали до экстренного выедания.

Однажды я, набравшись мужества, спросил бабушку жены, почему мы никогда не едим пока что целые яблоки. Ответ был ожидаемо логичным: в первую очередь надо употре-

бить те, что портятся, а целые ещё могут полежать. Кажется, ни одного нормального яблока за всё время так и не съели.

Позже в книге воспоминаний Рины Зеленой прочёл историю, совершенно аналогичную нашим яблокам. Только там фигурировала сметана. Они с другой актрисой во время каких-то съёмок жили вместе в гостинице в Ялте. По утрам покупали на местном рынке свежую сметану. Но каждый раз ели ту, что оставалась со вчерашнего дня и по причине жары успевала скиснуть. Холодильников-то не было! А Рина Зелёная все съёмки мечтала о вкусной сметане.

У моей мамы похожая ситуация постоянно случалась с хлебом. Свежий-то ещё полежит! До боли одинаковые истории.

* * *

Совсем недавнее. Иду по улице и вижу – «Драники». Тут же очень сильно захотелось драников: люблю я их. В небольшом заведении – столики для желающих перекусить «на бегу», но есть и сидячие места. Красочное меню с картинками, тётя за кассой. Вечер. Народу маловато.

Выбрал что по вкусу, оплатил, получил бирочку с номером 40. В ожидании заказа занял сидячее место. Напротив парень ковырял ложкой что-то в креманке. Кажется, пельмени. Я достал книжку. Минут через 10: «Номер 40! Заберите заказ». Получил вместе с плоской сметаны, попутно при-

хватил нож и вилку. Салфетки стояли на столе, как и положено, в салфетнице.

Хлопец разобрался со своими пельменями, забрал папочку и ушёл. Тут же появилась тётя с подносом. Стала жёстко так сгружать на него оставленную парнем грязную посуду. Я осторожно пододвинул ей свои освободившиеся плоску и нож. «Да вы что?! Я что ли обязана за вами убирать вашу грязную посуду?! У нас – самообслуживание. Читать надо!». Ну да, висит сиротливо листок, где так и написано. Я извинился, собрал свою посуду (поднос не нашёл) и отнёс на столик к внутренней двери. По пути испачкался сметаной. Палец облизал: идти за салфеткой поленился.

Back in USSR!

Кстати, драники у неласковой тёти были очень даже ничего.

* * *

В развитие кулинарной темы. Лет 30 назад мой друг работал в Италии. И вот довелось ему вместе с итальянскими коллегами посетить престижный научный форум в соседней Франции. По завершении мероприятия гостеприимные хозяева организовали гостям приём в очень дорогом загородном ресторане. О статусе заведения (а французы вообще-то неплохо разбираются в еде) можно судить хотя бы по тому, что за каждым из гостей стоял персональный служа-

ций, и все они по команде одномоментно поднимали металлические колпаки, прикрывавшие горячие блюда. Очень, говорит, эффектно смотрелось.

Когда разнесли богато оформленное меню, возникла проблема выбора блюда. По-английски или по-итальянски разобрался бы, но там, увы, было лишь по-французски. Пришлось обратиться за советом к итальянскому коллеге. Тот, будучи человеком опытным, посоветовал особо не заморачиваться. Мол, бери и не думай: тут буквально всё – изысканное и отменно вкусное. Главным образом – из морепродуктов, в которых французы тоже кое-что понимают. Мой товарищ совету внял, принял волевое решение и уверенно ткнул пальцем в первое попавшееся блюдо с длинным названием.

В результате, принесли ему тушёную капусту с мясом. Что-то на манер нашего бигоса. Зато, изысканно: на блюде, накрытом колпаком. Французы шумно выразили одобрение выбору гостя из не очень далёкой, но загадочной страны: «О! Русский кухня!». И подтвердили свое восхищение поднятыми вверх большими пальцами. Пришлось задушить в себе слезы досады и сохраняя достоинство делать вид, будто так и было задумано. Типа, ваших лягушек, морских гадов и прочей фуа-гры нам и даром не надь ©! Потому как патриоты мы, блин!

* * *

Еще немножко относительно кулинарного. Остроумный человек Гера Калер говорил так: «Хрен на столе должен стоять непременно двух видов – белый и красный». – «Зачем это?» – «А чтобы у хозяина был повод спросить гостя: «Вам какого хрена?»».

* * *

Навстречу по проспекту идет молоденькая девушка. Стройная и симпатичная. Перед хорошеньким личиком несет смартфон и громко в него разговаривает. Нечаянно слышу обрывок содержательной беседы: «Раньше я была кто? Мисс общага, б...ь! А теперь – кто? Мисс редакция, б...ь!». Что та обезьянка из анекдота. Вот никак у бедненькой не получается определиться: умная или красивая. Сочувствую.

* * *

Вечер, сумерки. Пешеходный переход «зебра» на улице Куйбышева. На проезжей части, метрах в трёх от тротуара, стоит мужичок. Никуда не движется, потому что спит. Вот прямо так, стоя и на дороге! Даже не качается! Подъехал

длинный автобус № 24. Остановился. Постоял немного. Водитель вышел полюбопытствовать. Заглянул под капюшон куртки отдыхающего гражданина, констатировал глубокий здоровый сон. Рискнул потревожить: «Уважаемый! Вы проехать не даёте!». Дядя, не просыпаясь: «Кому?». Но глаз таки открыл, увидел автобус, понимающе кивнул, не спеша переместился на тротуар. И опять погрузился в сон.

Реклама, названия, объявления

Очень люблю эту тему. Хотя бы за то, что она бесконечная и постоянно обновляемая. Ну и креатив, что называется, расцветает буйным цветом. Такой простор для фантазии!

Например, социальная реклама. В данном случае от МЧС.

Первым на улицах родного города появился красочный билборд следующего содержания:

*Божьи коровки не курят в кроватке.
Долго живут и у них всё в порядке!*

На картинке, понятное дело, божьи коровки. Одна – поменьше, другая – побольше. Типа, влюбляются. Когда же тут курить? Есть в кроватке дела и поважнее.

Вторым номером вышло следующее:

*Каждая жабка солнышку рада.
Выпил немножко? В водичку не надо!*

И тут же фото непьющей жабки.

Третье предостережение было такого содержания:

*Даже белочка знает, как в жизни бывает,
Если кто-то бездумно петарды взрывает!*

Вполне ничего такая белочка. Вменяемая, вроде.

С нетерпением ждал продолжения проекта. Увы, пока не дождался. Должно быть, штатную единицу стихотворца в МЧС сократили. Жаль, жаль... Талантливо, ведь?

* * *

Пинские колбасы сделаны из мяса!

После такого смелого утверждения очень захотелось побольше узнать про состав колбас у конкурентов. Но уже следующая реклама частично прояснила этот вопрос.

«Сто друзей» – продукция гродненского мясокомбината!

Все говорят, что Гродно – очень красивый город. Давно мечтал побывать. Теперь, пожалуй, не рискну. Если они с друзьями так жестоко обходятся, что же тогда говорить про остальных?

Когда тебя любят, тебя всегда ждут! Брестский мясокомбинат.

Бурёнки и хрюшки! Построились – и бегом в сторону Бреста! Вас там ожидают с нетерпением. И любят, любят...

* * *

Эту историю рассказал мой друг, который, по его словам,

был очевидцем события. 3-го июля 1984 года случилась 40-летие освобождения Минска. Пригласили ветеранов-участников. Торжественное собрание намечалось во Дворце офицеров, на здании которого красовался транспарант-растяжка:

«Привет участникам освобождения города-героя Минска от немецко-фашистских захватчиков!».

Вот прямо так. Чтобы знали, от кого привет. Несколько позже аналогичное «приветствие» я вычитал в книжке Гарика Губермана, который в свою очередь тоже восхитился. Только там вместо Минска фигурировали, кажется, Великие Луки. Остальной текст совпадал дословно. Ну, что тут сказать? Идеи носятся в воздухе.

* * *

Эту растяжку наблюдал сам. На столичном Дворце спорта. *«Международные детско-юношеские соревнования по спортивной гимнастике «Кубок Маугли».*

Не знаю, не знаю... Лично у меня образ мальчика-сироты ещё с детства вызывал несколько иные ассоциации. Хотя? С волками жить...

* * *

Кофейня «Утопия».

Очень торопился, потому и не зашел. А через месяц заведение куда-то исчезло. Так до сих пор и не знаю, что же они там подавали под видом кофе.

* * *

Другое заведение называлось «Обломов». Предлагал знакомым угадать, что скрывалось за отсылкой к классике. Правильный ответ – салон мягкой мебели.

* * *

Ценник на рынке в молочном ряду:

«Сыр с плесенью. Так надо!»

* * *

В перестроечные времена по всему СССР прокатилась волна переименований. Городов, улиц, чего угодно. Лучшую шутку на эту тему вычитал примерно тогда же в газете уральских КВНщиков «Красная Бурда»: «Требуем заклеить по-

зором кубинского диктатора Фиделя Кастро и вернуть городу Кострома его историческое название!».

Моего родного города тоже не миновал этот приступ массового энтузиазма, хотя и в меньшей степени. Скажем, центральную улицу города Ленинский проспект переименовали в проспект Франциска Скорины. А площадь Ленина, из которой и проистекал весь проспект, переименовали в площадь Независимости. Потом и Скорину «разжаловали» до какой-то окраины, а проспект изобретательно назвали именем площади – проспект Независимости. С чем теперь и живём.

Но вот станция метро под площадью до сих пор гордо именуется «Площадь Ленина». Сей казус вызывает некоторую путаницу в умах бестолковых российских интуристов из числа моих знакомых. Даже Мингорисполком снизошёл до каких-то разъяснений по этому поводу. Уж не помню точно, но что-то очень мешает переименовать станцию. А я так думаю, это знак свыше. Например, знак того, что заветы Ленина – верны.

* * *

Вернемся к социальной рекламе. В частности, к самой популярной в нашей «талерантной и памяркоунай» стране в последние годы. Какая структура несёт за неё ответственность, конкретно не указано. Но догадаться не сложно. Весь город

пестрит. Думаю, не только столичный.

Я люблю Беларусь!

Причём вместо слова «люблю» картинкой изображено сердечко. С богатыми вариациями – реки-озера нашей Родины, цветочки-ягодки и пр. В общем, симпатично. Креативненько так. Однако недавно появилось и нечто принципиально новое.

По центру рекламы красуется добротный шницель! Ей богу, не вру! В форме привычного сердечка! И, как положено, украшенный яйцом и листиками зелени. Вот это любовь!

Если согласиться, что пределом мечтаний белорусов в самом деле являются «чарка и шкварка», то в ближайшее время следует ожидать появления в контурах сердечка бутылки с характерной этикеткой или хотя бы стопарика. Шкварку-то любвеобильным белорусам уже подогнали...

Жена считает, что на том «полотне» изображён большой драник. А я не согласен! Что я, драников, что ли, не видел?

* * *

Летом 1975 года нам молодым выпала честь побывать в славном городе Смоленске на зональном слете студенческих строительных отрядов (ССО). Бродили по живописным холмам, любовались Днепром. Из любопытства посетили огромный храм, где как раз случился праздник какой-то важной иконы. Публика в соборе примерно поровну состо-

яла из бабушек в белых платочках и студентов в зелёной стройотрядовской форме. Белое с зелёным – очень красиво!

Сильно впечатлила центральная улица города. Она называлась «Большая Советская». Это мы сами так догадались, потому как, вследствие длинноты названия, на большинстве домов значилось: «Бол. Советская». А кое-где ещё лаконичнее: «Б.Советская». Последнее сокращение нас, юных оппортунистов, привело в полный восторг. Кто-то, с весьма сомнительным остроумием, предложил подать местной администрации идею переместить слово «Советская» в первую часть названия. Чтобы, так сказать, внести окончательную ясность в этот вопрос.

Логика подсказывала, что где-то неподалёку должна была находиться и улица «Малая Советская». Но мы не стали утруждать себя поисками.

Давно не был в Смоленске. Полагаю, улица «Большая Советская» не пережила ветра перемен и попала под каток истории. В смысле, закономерно подверглась переименованию. А всё-таки чертовски интересно, чья там у них «Б» нынче красуется в центре города?

* * *

Реклама мобильного оператора. Тоже на билборде.

«Вам тариф Ваш не жмёт?».

Вопрошает уверенный в себе молодой бородатый бизнес-

мен. Глядя на него отчего-то вспомнился популярный в нашем дворовом детстве вопрос: «Тебе зубы не жмут?». А может, это я просто по-стариковски к словам цепляюсь?

* * *

Наличием в наших магазинах яиц «Молодецких» и хрена «Боярского» уже давно никого не удивишь. Сам покупаю. А хрен и вовсе очень хорош: даже москвичи полюбили и при-страстились. Но вот как-то повезло увидеть новинку. Эти яйца назывались «Маленькие радости». Причём не перепелиные, а обыкновенные куриные. Обойдусь, пожалуй, без комментария.

* * *

Понимаю, что «яичная» тема давно уже всем приелась. Но, видать, она действительно неисчерпаема. Вот свеженькая реклама сети магазинов «Белмаркет»:

«Удар по яйцам теперь по понедельникам!».

Сам не пойду в «Белмаркет» и другим отсоветую. Особенно в понедельник. Больно же!

* * *

«Магазин новой одежды».

Конечно же, не удержался и заглянул полюбопытствовать. А там полмагазина занимает витрина хеджабов! Всевозможных расцветок и затейливых узоров. Так вот ты, оказывается, какая, одежда нашего будущего! Может, уже бороду пора начинать отращивать? И попросить, чтобы АКМ продали из-под прилавка?

* * *

Комментатор Анна Любенкова освещает этап Кубка мира по биатлону:

«Белорусские спортсмены мчатся к финишу!».

Один занял 49-е место, второй – 53-е. И это из 60 участников! Прямо на крыльях летели. Орлы!

* * *

А это – патриарх советского спортивного комментария Николай Николаевич Озеров:

«Здесь, в Финляндии, наши хоккеисты заслуженно пользуются мировой известностью!».

То есть, за пределами Финляндии вроде как уже и не пользуются.

* * *

Владимир Перетурин восхищался блистательной игрой сборной Голландии на чемпионате Европы по футболу в 1988 году. Кстати, в финале голландцы обыграли сборную СССР со счётом 2:0. Особый восторг у комментатора, ясное дело, вызвали их «звёзды» Рууд Гуллит и Франк Рикард. На всякий случай уточнил, что отцы обоих футболистов были родом из Суринама. И мечтательно добавил:

«Нам бы побольше таких отцов из Суринама!».

Уж тридцать лет минуло с тех пор, как человек подал такую богатую идею. А воз и ныне там! Привыкли, понимаешь ли, покупать буржуйских тренеров или сразу готовых игроков. Не о том думаете, товарищи! Совершенно не умеете работать на перспективу. Отцов-производителей надо импортировать! Отцов!

* * *

Сергей Кононыхин комментировал фигурное катание. Кажется, это был какой-то давний чемпионат Мира.

«Очень жаль, что наша Мариночка заняла предпоследнее

место. Но мы надеемся, что в следующем году она выступит ещё лучше!».

Типа, есть куда расти. Фигуристку-одиночницу Марину Саная помню хорошо. Симпатичная такая девочка с огромными печальными глазами.

* * *

Услышал по радио песню:

«Все девчата с мужами приглашают к ужину. Приглашают семьями. Не пойду – не в теме я!».

Ей богу, чуть не прослезился над женской долей.

* * *

В документальном фильме телевизор мне рассказал:

«Беларусь занимает второе после Шотландии место в мире по количеству призраков на душу населения!».

Честное слово, даже обидно стало. Ещё какая-то там Шотландия будет путаться под ногами...

* * *

Регулярно смотрю наш телевизор. Много чего познавательного. А передача «ЧП. by» – и вовсе одна из моих люби-

мых. Это ежедневные криминальные новости республиканской значимости. По возможности, сей дайджест стараюсь не пропускать.

Вот недавно сообщили о задержании директора некоего агрокомбината. При попытке дать взятку работникам ГАИ. Он, понимаете ли, вёз в багажнике 30 килограммов колбасных изделий производства своего же агрокомбината. А доблестные гаишники – тут как тут. Где, мол, накладные и чек на оплату? Он им – взятку, они – ни в какую! Ну и «свинтили» бедолагу.

Вот и думаю теперь. То ли у нас гаишники такие праведные, то ли от колбасных изделий их уже подташнивает? Предпочтительно, конечно же, – первое. Но второй вариант как-то понятнее.

* * *

Та же самая передача «ЧП. by». Задержан чиновник-взяточник. Его «пасли» целый год. Вот теперь находится под следствием. Инкриминируют неоднократное вымогательство взяток в совокупности на значительную сумму, которую в рублях тут же и озвучили. На первый взгляд показалось – «в особо крупных размерах». Не поленился и пересчитал в буржуйские доллары. Получилось что-то порядка девяти-сот. Это за год-то! Что ж поделать, если коррупционер такой мелкий пошёл.

* * *

И снова здарсьте. Опять «ЧП. by». Некий несознательный гражданин предпринял попытку украсть в магазине сушёную рыбу (щуку). Но был изобличен бдительной охраной, после чего попытался скрыться. Если бы не побежал, то банальное воровство. Теперь вот грабёж «ш्योंт». А это уже совсем другая статья! Интересно, сколько ему светит? И подделом злодею: «Тебя – посадют, а ты – не воруй!» ©.

Резонный вопрос: а что здесь забавного? Да ничего, конечно. Возможно, следует даже и порадоваться, что живем в таком патриархально-благополучном государстве, где кража сушёной щуки (одной!) становится медийным событием республиканского масштаба. Прямо «Вести долины» какие-то: «Муравьиный лев пробрался в муравейник. Имеются жертвы» ©. Не смешно!

* * *

Российское телевидение тоже по-своему прекрасно. Широко освещало крещенское купание. Даже с торжественным участием Президента. Но меня больше порадовали служители культа. Один батюшка сказал, что раз Христос в этот день купался, то и нам «Богом положено». Второй же разъяснил,

что праздник Крещения – это встреча с Богом.

Но Иисус Иосифович-то купался в Иордане! А там, как ни крути, несколько теплее будет. В российском варианте крещенского купания (в проруби!) мысль о грядущей встрече с Богом мне куда понятнее. Но лично я в купель не полеку. Потому что встречаться с Богом пока ещё не готов.

* * *

Мой товарищ наблюдал за своей двухлетней внучкой. Ребёнок внимательно рассматривал красочную обложку дорогого модного журнала. При этом она делала пальчиками некие загадочные движения: пыталась как бы раздвинуть и увеличить картинку. Друг далеко не сразу догадался, что девочка всего лишь воспроизводит манипуляции, привычные для работы с планшетом.

Примерно в таком же возрасте моя внучка уже весьма ловко управлялась с этим гаджетом (Господи! Слово-то какое противное!). А ведь говорить ещё не умела! Ну, что тут скажешь? Новые времена – новые веяния.

* * *

Папа много лет вдумчиво и методично собирал домашнюю библиотеку. Ещё с начала 50-х годов. Точнее, с тех пор

как получил первое в жизни персональное семейное жильё. Почти сразу серьёзно занялся библиотекой. Книжные полки и шкафы занимали приличную часть квартиры. Собрания сочинений, выкупленные по подписке в специализированном магазине (был такой), знаменитая «Библиотека Всемирной литературы» (сто томов), энциклопедии, словари и ещё много чего необходимого. Да и просто интересного. Во всяком случае, всё, что мне требовалось по школьной программе, я без труда находил дома на книжных полках.

Но в конце 80-х случился в нашей стране издательский бум. Те книги, о которых прежде и мечтать не могли, возникали на прилавках с такой скоростью, что глаза разбегались от изобилия. Стало понятно, что всего не купишь. Да и зачем?

А нынче-то уже и сам всюю пользуюсь электронной книгой. Хотя по-прежнему и приятно подержать в руках какой-нибудь фолиант, однако «читалка», честно признаюсь, куда практичнее. Но папина-то библиотека осталась!

Вот, к примеру, собрание сочинений В.И.Ленина. Слава Богу, что не пятое издание, а всего лишь четвертое. Оно существенно короче: томов на 15. Ни снести его в комиссионку, ни тем более выбросить – рука не поднимается. Дело в том, что многие тома содержат сделанные рукой отца карандашные пометки «на полях», подчёркивания. А кое-где можно встретить и знак вопроса. То есть папа позволял себе вести с Владимиром Ильичом заочные дискуссии!

Многие тома ленинских трудов как бы хранят тепло и моих рук. Хотя пометок не делал, с Лениным не спорил. Однако все обязательные предметы – история КПСС, марксистско-ленинская философия, научный коммунизм – в свое время сдавал, как говорится, «с первого предъявления» и на «отлично». И как же это выбросить? Наверное, лучше будет так: «Отдам в хорошие руки!».

* * *

Студент-пятикурсник постригся очень коротко. На вопрос друга, что означает резкая смена имиджа, нежно проведя рукой по своему «бобрику», ответил так. Мол, новая причёска предполагает получение на экзамене по научному коммунизму оценки «хорошо». «А какая же, по-твоему, причёска предполагает получение оценки «отлично?» – «На «отлично» предполагается другая форма черепа».

* * *

Ещё в первой половине 80-х неким случайным образом попал мне в руки роман чешского писателя Станислава Рудольфа «Дальтоник». И в нём я вычитал такую крамолу: «Он – хороший человек. Он – не коммунист, а просто – в партии». Оказывается, такое бывало в советские времена. По-

дозреваю, отнюдь не только в мятежной Чехословакии.

А несколькими годами ранее похожую мысль я услышал от своей бесстрашной тётушки. Правда сформулировала она значительно категоричнее: «Не все коммунисты – сволочи. Но все сволочи – коммунисты».

* * *

Одноклассник моего брата учился в институте народного хозяйства. После окончания некоторое время работал в налоговой службе ревизором. (Как удалось получить такую роскошную синекуру, не вдавался в подробности.) Изредка выпадала удача проверять состояние финансовой дисциплины в сельских церковных приходах.

Середина 70-х. В одном из приходов, по завершении проверки, тамошний настоятель предложил откусать, чем Бог послал ©: «Пойдём, сын мой, попьём церковного вина». «Пожалуй, кагор будет» – ласково подумал молодой ревизор. Но в этот день Бог послал служителю культа куда скромнее, чем голубому воришке Альхену. А в качестве гвоздя программы батюшка, ничтоже сумняшеся, выкатил два пузыря по 0,7 портвейна «Агдам»! Обыкновенных «чернил» заводской выработки! «Кагор, кагор... Ишь, размечтался»!

Конец 90-х годов. Это было время, когда наша относительно молодая государственность плодила нормативные документы с такой скоростью, что их не то чтобы осмыслить и принять к действию, но зачастую и прочесть не успевали. Даже те, кому было положено по долгу службы.

Мой добрый товарищ, далеко ещё не старый, но уже мудрый еврей, возглавлял частную коммерческую фирму. Хоть не очень крупную, зато с вполне достойным собственным производством. А значит, и с финансовым оборотом. Потому всякие контролирующие-ревизирующие органы «баловали» их своим вниманием с завидным постоянством. Он был грамотным руководителем и опытным человеком. В отличие от большинства проверяющих, которые очень старались, но ничего криминального не находили. Но так ведь не правильно!

Видя их затруднения, мой друг говорил им: «Вы работаете, так и мы – работаем. А всякая работа должна приносить результат. Я вас хорошо понимаю, но поймите и вы меня. Скажите прямо, сколько вас устроит у меня найти? И я вам таки помогу! Я покажу, где нужно искать». Мораль: уважающие друг друга люди всегда смогут договориться между собой.

Год 92-й. Время, как тогда говорили, парада суверенитетов. Нам троим выпала командировка в город Ташкент. Решили, понимаете ли, прикупить немножко медной катанки (65 тонн) для нужд родной электротехнической промышленности. У госпредприятий торговать с другими странами напрямую уже/ещё не получалось, а коммерческие фирмы типа нашей как-то справлялись.

Дружественные узбеки (очень славные оказались люди) встретили и поселили нас в гостинице «Ленинград». Великодушно дали время отдохнуть до завтра. Ближе к вечеру позвонили и посоветовали сходить прогуляться. Поскольку города мы не знали, то объяснили, куда: вдоль трамвайных путей, затем налево через мост и на площадь, где глобус Узбекистана (!) Тут я, несколько озадаченный, позволил себе переспросить: «Глобус чего-чего?!» – «А вы зря смеётесь, уважаемый. Вот сходите и сами увидите!». Мы и пошли.

Город был красив. Внизу под мостом – излучина реки. Везде зелень, скверы, фонтаны. Но главная достопримечательность ожидала на центральной площади. На высоком постаменте, где раньше стоял памятник (надо полагать, Ленину), красовался огромный глобус. И на нём почти во всю поверхность – контур огромной карты Узбекистана! И более – ничего! А мы-то не верили...

Вспомнил цитату из книги кинорежиссёра Данелия: «Как-то в Ташкенте я смотрел по телевизору фильм Татьяны Лизновой «Семнадцать мгновений весны», дублированный на узбекский язык. Там Борман, когда вошёл в кабинет к фюреру, выкинул вперёд руку и воскликнул: «Салам алейкум, Гитлер-ага!»».

Есть тут небольшая неточность. В Узбекистане вежливое обращение к старшему по возрасту, опыту или званию правильно будет произнести «акя», а не «ага». Впрочем, красоту эпизода это деталь не нарушает.

Нам, увы, не так повезло, как Георгию Николаевичу. Зато по местному телевидению довелось увидеть, как в некоем фильме (название не запомнил) Владимир Ильич с Феликсом Эдмундовичем, для конспирации перейдя на узбекский, горячо спорили о чём-то своем, революционном. А еще, на ночь, местный Игорь Кириллов хорошо поставленным узбекским голосом читал нам главы из книги Дорогого Товарища Ислама Абдуганиевича Каримова. Каждый вечер исправно читал! Но дней через десять мы отбыли домой. Так до сих пор и не знаю, чем книжка закончилась.

* * *

И совсем недавнее. Середина мая 2018 года. Девчушка лет пяти идёт по улице за ручку с мамой и задорно декламирует: «Кто шагает дружно в ряд? Пионерский наш отряд!». Боже ж ты мой! Да это же с детства памятная речёвка! Сколько раз наш отряд имени пионера-героя Марата Казея под неё торжественно маршировал? Годков уже пятьдесят тому минуло...

Раз-два, три-четыре!
Три-четыре, раз-два!
Кто шагает дружно в ряд?
Пионерский наш отряд!

Очень захотел посмотреть в глаза доброму человеку, который подсказал крохе нужные слова. А может это я выпал из времени? И нынче такое разучивают в каждом детском садике?

* * *

«Мы диалектику учили не по Гегелю». Тут позволю себе возразить Маяковскому. Очень по-разному случалось. В том числе бывало, что как раз по Гегелю с Марксом. Про-

иллюстрирую такой незатейливой историей. Увы, непедagogичной.

К остановке подъехал троллейбус. Мама с ребёнком лет трёх с половиной собираются в него садиться. Но детёныш отчего-то заартачился, решительно вырвал свою лапку из маминой руки. Мамаша, склонившись к малышу, удивлённо, но внушительно поинтересовалась: «Делавы? Ё жопу захацеў?». Пацан не захотел. И быстренько полез в троллейбус, на всякий пожарный прикрыв ладошкой попу. Вот так и привыкаем с младых ногтей: бытие определяет сознание ©! Видать, даже классику, когда был в нежном возрасте, частенько «прилетало» от маменьки.

Куда уходит детство

Да никуда оно не уходит. Остается там же, где и было: в нашем прекрасном далёко ©. Это мы от него неумолимо отдаляемся. Хотя с возрастом, говорят, кое-кому и удаётся туда вернуться. Или, по меньшей мере, слегка приблизиться. Вот и я пробую, в меру своих скромных сил. Годы-то уже позволяют!

Взрослым только кажется, что они одни занимаются важными и ответственными делами. Думаю, жизнь маленького человека наполнена куда большим смыслом и каждодневными свершениями. Он торопит время и очень занят: ОН ДЕЛАЕТ ОТКРЫТИЯ.

Что-то я заговорил почти словами Экзюпери. Настораживает это.

* * *

Семилетнюю девочку (мою будущую жену) бабушка привела в ГУМ. Случилось это под Новый год. Универмаг всю продавал ёлочные игрушки и всякие нарядные украшения. Бабушка присмотрела внучке маленькую игрушечную ёлочку с фонариками и шарами. Но ребёнок был не в настроении и даже позволил себе немного покапризничать. «Хочешь вот эту ёлочку? – Нет, не хочу. – А какую хочешь? –

Никакую не хочу!»». Едва не расплакалась. Но тут почувствовала, что кто-то очень осторожно трогает её за плечо. Поворотилась и увидела рядом такую же, как она, девчущку. Ну, может немного постарше. Та смотрела на нее полными слёз умоляющими глазами и тихонечко твердила: «Девочка, соглашайся! Соглашайся, девочка!»».

* * *

Папа вспомнил из своего детства. Они всей семьей пошли в гости. По дороге мама (моя бабушка) его инструктировала, что если хозяева предложат что-нибудь вкусенькое, то мальчику из хорошей семьи не прилично набрасываться на это сразу. Для начала следует вежливо отказаться. Когда предложат второй раз, то уже можно и согласиться. Но как бы слегка неохотно. Он, вняв маминой рекомендации, так и поступил. А второго предложения не последовало! Так и остался без деликатеса. Вот горе-то было! На всю жизнь запомнил.

Я не стал повторять папину ошибку. В пятилетнем возрасте без приглашения заявился к соседям в гости. Вообще обожал ходить по гостям, беседовать с взрослыми за жизнь. Меня угостили конфетами из нарядной коробки. Я вежливо поблагодарил, деловито взял под мышку всю коробку, попрощался с хозяевами и отправился домой. Соседей разве-селила моя находчивость, родителей – не очень...

* * *

Лето, теплынь. Из соседнего подъезда вышел семилетний Петя, белобрысый пацан на год старше меня. Одет в семейные трусы длиной почти до обцарапанных коленок. На тонкой дочерна загорелой шее болтается на веревке огромный ключ от квартиры. Более ничего: жарко. Притащил огромный эмалированный таз, который водрузил прямо в клумбу у подъезда. Принёс ведро воды, вылил в таз и устроился рядом на лавочке. Когда вода слегка нагрелась, по-турецки уселся в свою «купель». Вот как был, в трусах и в ключе.

С проходящими мимо соседями блаженствующий в тазу Петька громко здоровался, каждого называя непременно по имени: «Здравствуйте, тетя Наташа (дядя Коля и т. д.)!». Все с улыбкой ему отвечали. И никто не погнал парнишку из общественной клумбы!

Не знаю, кому как, а для меня эта пасторальная картинка из детства и по сей день – символ мира и покоя на всей Земле.

* * *

Наш дом – стандартная «хрущёвка» 1962-го года постройки и заселения. Подобного типа пятиэтажные бетонные ко-

робки отечественный «строй» успешно тиражировал почти до середины 70-х. Но если в доме вместо четырёх было всего по три квартиры на этаже и отдельный санузел, то никакая это не «хрущёвка». И не надо примазываться к чужой славе. Хоть внешне дома похожи.

Инициатором программы расселения страны из повсеместных барачков и коммуналок в относительно благоустроенные отдельные квартиры был Никита Сергеевич Хрущёв, — отсюда и название домов. Возводились они со страшной скоростью. Монтировались сразу комнатами и блоками, которые привозили по 2–3 штуки на одном трейлере. Быстро, дешево и сердито. Зато городское население из деревянных барачков пересели ударными темпами. Буквально за несколько лет управились. Хотя коммуналки, насколько знаю, и до сих пор кое-где успешно существуют.

На смену «хрущёвкам» пришли многоэтажные, но также типовые «черёмушки». Откуда, собственно, и родился сюжет любимого в СССР фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!». Те три столбика-девятиэтажки, что стоят на бульваре Толбухина, стали чуть ли не первыми в Минске. Они были оборудованы настоящими лифтами! Мы ходили на лифтах кататься. Это было круто! Но в подъезды скоро посадили консьержек и наша «лафа» кончилась.

А пятиэтажные «шедевры архитектуры» начала 60-х стоят и поныне, никуда не делись. Сегодня уже трудно это представить, но люди всё ещё ухитряются как-то в них жить. А

куда же им, горемыкам?

* * *

«Хрущёвка» – это совмещенный санузел, 5-метровая кухня, обязательная проходная комната (если комнат вообще более одной), низкие потолки. Их высоты уж не помню, но ещё в 12-летнем возрасте мог допрыгнуть без особого труда. А ведь рослым и прыгучим никогда не был.

Но главная особенность таких домов – своеобразная звукоизоляция. Я бы даже сказал: абсолютная звукопроницаемость стен. Даже не представляю, за счет чего достигался такой уникальный акустический эффект. Когда наши соседи воплолоса ругались между собой (они частенько это делали), то отрешиться от их семейных проблем не удавалось. Понятное дело, что в доме ВСЕ И ПРО ВСЕХ знали. Можно сказать, что принцип коммунального общежития плавно перекочевал из недавнего тяжелого наследия в счастливое настоящее. Что имело как свои плюсы (нескучно жилось), так и минусы (никакой приватности).

Мой папа был ученым-химиком и много работал дома. По этому поводу семья выделила ему отдельный кабинет. Поскольку посторонние шумы отвлекали сильно, то он придумал способ борьбы с ними: негромко включал на проигрывателе пластинку с любимой классикой. Вот под этот умиротворяющий фон и трудился. Когда пластинка заканчива-

лась, переворачивал или ставил другую. Всю свою докторскую диссертацию так под музыку и написал.

Ещё о музыке. У нас были три пианино. В смысле, у соседей. Одно – сверху, одно – снизу, одно – сбоку. И там жили девочки, по стечению обстоятельств погодки, к тому же посещавшие одну музыкальную школу. Есть у Людвиг Ваньча Бетховена нежная лирическая пьеса «К Элизе». Так вот, я за три года её наслушался столько, что ещё долго вздрагивал, заслышав первые аккорды. Теперь вот подлый домофон исполняет мне того самого Бетховена. Видать – судьба такая. Что называется, «с песней по жизни».

* * *

Мы жили в третьем подъезде на третьем этаже. Однажды соседи (волею звукоизоляции там все были соседями), проживавшие на первом этаже в четвертом подъезде, отмечали юбилей хозяйки квартиры. Праздник удался на славу: весь дом ходил ходуном. Уже ночью мама решила, что пора соседское веселье призвать к порядку. Надела шубу прямо поверх «ночнушки» и выдвинулась в путь, исполненная решимости и праведного гнева.

Примерно через час папа обнаружил, что жены дома нет. Оделся более представительным образом и отправился на поиски. Нужную квартиру легко установил по шуму. Хозяйка ему очень обрадовались и тут же пригласили в гости. –

«У нас, у нас! Весь город – у нас!». Отцу пришлось зайти. Гулянка шла полным ходом. А за праздничным столом на почётном месте восседала мама. Прямо в шубе! Снять-то её она не могла.

* * *

У Григория Белых, который с Леонидом Пантелеевым написал «Республику ШКИД», была ещё одна прекрасная книжка. Называлась «Дом веселых нищих». Такое чувство, что он срисовал её с нашей «хрущёвки». Есть и другая аналогия: фильм «Покровские ворота». Тоже очень похоже.

Когда дом заселялся, так получилось, что жильцы подобрались примерно одного возраста, хотя разного статуса (вот уж что не мешало общению) и рода занятий. Почти все были при детях тоже близкого возраста. Где-то плюс-минус пять лет. Представляете, какая собиралась ватага для дворовых развлечений! А если учесть, что соседние дома были точно такими же, как наш... Я, во всяком случае, дома проводил времени ровно столько, сколько требовалось, чтобы покушать и быстренько сделать уроки. И – бегом на улицу, к друзьям. А уж там было полно дел.

Как-то пошли с ребятами в каштанах бульвара Толбухина ловить майских жуков. Мы их почему-то называли июньскими. Наверное, потому что они были раза в два меньше майских. Трясли каштан и потом сбивали жуков на лету. Такая

типа охота. Взяли с собой картонную коробку из-под обуви, куда этих жуков зачем-то складывали. Зачем – не понятно. Дальнейших планов, что с ними делать, не было. Но никакого садизма вроде аутодафе устраивать точно не собирались. Наловили в совокупности, наверное, с полтыщи. Решить судьбу жуков отложили на завтра. Два брата, что жили в соседнем подъезде, согласились приютить добычу и коробку забрали домой. А ночью случилось страшное: коробка «дала течь» и подлые жуки расползлись по всей квартире. Они же не только ползать, они ещё и летать умели! То-то родители были счастливы. Про финал истории братья особо не распространялись, а мы их деликатно не расспрашивали.

* * *

Само собой, дом изобиловал колоритнейшими личностями. Скорее, других там и не было. Во втором подъезде на пятом этаже проживал многодетный инвалид-сапожник со своей семьей: помимо него и жены – ещё два сына и четыре дочери. Был ли он сапожником на самом деле, не знаю. Но что пил и матерился в полном соответствии с ремеслом, так это точно. Ходил на костылях, трезвым я его не видел, кажется, ни разу. Молчащим – тоже.

Свой персональный балкон использовал, как Ленин – броневик. Выходил на него по вечерам и произносил зажигающие речи. Точнее, орал их матом на всю округу. Те-

мы рождал спонтанно по принципу «что вижу – то пою». Проехала машина – досталось машине. Притормозил послушать свежий зритель – на и тебе, получи. Власть ругал редко (пьяный, а соображал!), но на долю соседей выпадало прилично. Особенно деду-садоводу с первого этажа. Этот «куркуль» (новое для меня слово), видите ли, устроил под окнами палисадник с цветами! Так что теперь и плюнуть с балкона вниз стало противно.

Прохожие частенько задерживались послушать. Но скоро шли по своим делам: сапожник не отличался смысловым многообразием. Изредка заходил участковый для ведения плановых бесед профилактического характера. Толку от них не было никакого. Разве что фактом своего появления милиционер провоцировал свежую тему для вечернего оглашения с «трибуны».

* * *

Нашими соседями по лестничной площадке были дядя Гриша и дядя Володя. Оба любители выпить, но алкоголь почему-то оказывал на них диаметрально противоположное воздействие. Обыкновенно мрачный и неразговорчивый дядя Володя становился общительным и душевным. По пути домой охотно общался со встречными, трепал по головкам детишек. А добродушный и спокойный дядя Гриша, «приняв на грудь», становился злым и агрессивным.

Пьяный дядя Гриша очень не любил дядю Володю. О чем регулярно и сообщал ему, используя в качестве мегафона сквозную на две квартиры электрическую розетку. То есть, кричал про соседа всё, что наболело, приложив губы прямо к ней. Однажды для пущего усиления звукового эффекта надумал открутить с розетки пластмассовую крышечку и, ясное дело, получил током по губам. Контузило прилично, несколько дней был тих и печален. Ходил с ожогом на губе. Зато его мстительная жена злорадно говорила маме: «Есть-таки Бог на небесах!».

* * *

Председателем нашего «домкома» (или как-то по-другому?) был отставной полковник из второго подъезда. Мама утверждала, что он, скорее всего, из военных кавалеристов. Что не исключено, если судить по кривизне ног и походке. Но человек энергичный и ответственный. Периодически выгонял жильцов на облагораживание домовой территории. Все дружно сажали деревья и кусты, ухаживали за клумбами у подъездов. Примечательно, что практически никто не сачковал. И поныне, когда случается бывать в тех краях, восхищаюсь, как аккуратно, аллеями и «по ранжиру» растут посаженные нашими родителями деревья. А вот около других домов – абы как растут, то есть совершенно бессистемно. Прямо английские сады какие-то.

Когда дому присудили высокое звание «Дом образцового порядка и высокой культуры быта» с торжественным открытием соответствующей таблички, в глазах нашего председателя блеснули слезы законной гордости. Почётное звание – говорю без иронии – он заслужил честно.

Его младший сын Алик был одноклассником моего брата. Парень рослый, нескладный, добродушный и в отца кривоногий. Однажды из любопытства «побрил» папиной электрической бритвой (новинка!) мамин любимый кактус. Кактус вроде бы остался жив: бритва умерла, не успев толком добрить объект. Да и сам Алик выжил чудом. Поскольку во время «следственного эксперимента» орал так, что сердобольные соседи стучали в дверь, звали к милосердию и даже грозились милицией: рука у отставного полковника была отменно тяжелой.

* * *

Тут, пожалуй, имеет смысл освежить в памяти «Приключения Тома Сойера». Чтобы понять, что даже в благословенной Америке процесс воспитания детей не отличался особым гуманизмом. Так же и во времена нашего счастливого детства применение телесных наказаний мало кого могло удивить. Потому в доме кто-нибудь из детей верещал частенько. Однако нас с братом родители наказывали куда реже, чем, возможно, им хотелось бы. И уж тем более, чем мы

того заслуживали. Лично я был выдран ремнем всего лишь один раз, и то за дело.

Мне было шесть, когда мама купила лопатку. Недешевую и добротную, металлическую, с деревянным черенком. В первый же день я забыл её в песочнице дома напротив. А вечером на вопрос мамы наврал, что лопатку, наверное, украла девочка Марина из соседнего дома. Отец молча оделся и взяв меня для проведения «очной ставки» отправился лопатку вырывать. Такого поворота событий я никак не ожидал, но обреченно побрёл следом. Уже на подходе к цели от безысходности сознался во лжи. Вот дома и «отгрёб» по полной программе. Что сказать? Было не столько больно, сколько очень стыдно и жутко видеть папу в таком гневе. Думаю, вранье он бы мне ещё простил, а вот намерение подставить невинного человека – никак не мог. Так уж получилось, что одного ремня мне хватило на всю жизнь.

Вторая попытка отца оказалась «незачётной». В те же мои шесть лет и, опять же, было за что. По нашей улице только-только пустили троллейбус № 2, который через весь город ходил в аэропорт. Я сел в «двоечку» и отправился смотреть на самолеты. Очень любил это дело и вообще с детства мечтал стать летчиком. Вернулся домой только к вечеру, когда родители, успев опросить всех моих друзей, извелись уже совсем. Папа решительно отправился за ремнем, однако мама меня «амнистировала» со строгим предупреждением. Сама терпеть не могла самолеты, но к моей страсти отнеслась с

пониманием.

Мой одноклассник Вовка, проживавший во втором подъезде, учился совсем слабенько. А получив очередную двойку тихонько плакал аж до самого конца уроков, скорчившись за своей партой и хлюпая носом. Мне было его до ужаса жалко, потому что я, как и все жители нашего дома, хорошо знал причину его безутешного плача.

За двойки отец порол Вовку нещадно. Он был мрачным, необщительным человеком высокого роста и могучей стати. Работал водителем самосвала МАЗ. Изредка приезжал обедать домой на машине. Под настроение разрешал нам посидеть в кабине своего МАЗа. В эти нечастые моменты Вовка прямо таки светился изнутри: он очень любил отца.

* * *

У Вовкиного соседа с пятого этажа тоже была машина. Старенький открытый «Виллис», попавший в страну скорее всего ещё во время войны по ленд-лизу. Владелец машины, очень добродушный дед, перманентно чинил свой автомобиль прямо во дворе под своими окнами. Мы ему помогали, чем могли. Главным образом – дружеским участием. Иногда он просил чего-нибудь нажать, подержать или посмотреть под капотом. Ну, это вообще было счастьем! А когда машина заводилась, что бывало крайне редко, сажал нас в неё и катал вдоль окрестных домов. На зависть их жителям

– нашим ровесникам.

* * *

Так получилось, что мы выросли рано. Не пытаюсь судить, хорошо это или плохо, просто констатирую факт. Когда семья переехала в Минск, мне было четыре года. Пять исполнилось уже здесь. В садик не ходил, целыми днями болтался с друзьями во дворе. Как и все, с ключом на шее. Родители работали, старший брат учился в школе. А я наслаждался свободой.

В ближайший гастроном за нехитрыми покупками мама отправляла меня уже тогда. Но в неполные шесть довелось впервые самостоятельно сходить за хлебом. А это уже, что называется, «совсем другой компот». Потому что хлебный магазин находился через дорогу.

Наша улица Кавалерийская (позже – Кнорина) была тихой и спокойной. Троллейбус по ней пошёл несколько позже. Тем не менее мама посчитала нужным строго меня проинструктировать. Было велено, подойдя к улице, посмотреть налево и непременно дождаться пока проедет машина. После чего уже можно переходить дорогу, не забыв на середине посмотреть направо. Получив напутствие, денежку и авоську я, окрыленный доверием, отправился в путь.

Как назло, машина не ехала очень долго. Ни в одном из направлений. Бедный ребёнок совсем извёлся в ожидании,

но приказ нарушить не рискнул. В конце концов, из-за поворота со стороны Толбухина появился одинокий «Москвич». Я его пропустил и гордо пересёк улицу, не забыв посмотреть направо.

* * *

Для экстренных случаев в нашем доме была служба спасения. Звали Борисом. Рослый спортивный парень лет минимум на десять старше меня. Жил с мамой в однокомнатной квартире № 1. Если кому случалось захлопнуть дверь, то частенько шли прямо к нему. Борис умел перелезть с балкона верхнего этажа, через форточку проникнуть в квартиру и открыть дверь изнутри. На балконы пятого этажа он попадал с крыши. Был ловок, бесстрашен и никогда не отказывал в помощи. Хоть бывали и другие верхолазы, но Бориса женщины нашего дома любили больше.

Иногда приходил к нам в гости. Как ни странно, но именно ко мне. Дело в том, что я был единственным в доме обладателем немецкой детской железной дороги (отец привёз из Москвы) и впечатляющего набора доставшихся от брата оловянных солдатиков. Вот он и заходил поиграться. Сидел на полу комнаты, широко раскинув длинные ноги, и увлечённо крутил пульт управления. А вокруг (и по нему в том числе) ползали мы с друзьями, мелкая пацанва. Моих папу и маму, которым Борис тоже очень нравился, эта картина неизменно

веселила.

* * *

Уж и не могу себе представить как, но почти целый год мы прожили не только без телевизора или телефона, но даже и без холодильника. Помню, ездили с мамой в ГУМ отмечаться в очереди на «ЗИЛ-Москва». Номер очереди мама писала на моей ладошке химическим карандашом. «ЗИЛ-Москва» тогда был самым лучшим в СССР холодильником. Огромный шкаф (примерно два меня тогдашнего) с округленными углами и дверцей, закрывавшейся на ключ. Ключом мы никогда не пользовались. Но знаю от брата, что мама его одноклассника, уходя на работу, свой закрывала. Поскольку сынок любил приводить домой друзей, растущие организмы которых запросто могли обнести холодильник подчистую.

Когда грузчики привезли холодильник, дома кроме меня никого не было. Пришлось самому принимать покупку. Как ни покажется странным, но этот мощный агрегат работал вплоть до недавнего времени. На даче у соседей. Вот же умели делать технику, когда хотели! А может даже работает и поныне. (Надо бы спросить при случае.)

Телефон нам поставили лишь три-четыре года спустя. Помню номер: 6-08-56. Телевизор же в доме появился и того позже. А до того момента, ежели по одному из двух имев-

шихся в наличии каналов показывали что-либо значимое (типа фигурного катания), смотреть ходили к соседям. У них был маленький чёрно-белый «Неман». Частенько зрителей набивалась полная комната. Взрослые приходили со своими табуретками, дети рассаживались на полу.

* * *

К нам в гости приехали из-под Харькова мамины родители. Их поселили в проходную комнату. Она гордо именовалась «Большая комната». На столе у окна стоял новенький телефон. Рано поутру, часов в шесть, раздался телефонный звонок. Дед, как был в кальсонах, поднялся ответить. Очень долго слушал абонента, затем, с радостным пониманием, сказал: «А! Так это вы в дверь звоните? А я с вами по телефону разговариваю. Подождите минуту. Сейчас пойду, открою». Положил трубку и пошёл открывать дверь.

* * *

Полагаю, телефонный терроризм существовал с самого момента изобретения телефона. Только никто не знал, что это так называется. Просто шутники – и всё тут.

В тот раз у нас гостила уже другая бабушка. Родители пришли с работы домой и увидели, что на телефоне лежит аккумуля-

ратно сложенная тряпочка. Поинтересовались причиной. Бабушка сказала, что позвонили с телефонной станции и спросили, не греется ли у нас телефон. Потрогала. Решила, что вроде как слегка греется. Тогда ей велели быстренько положить на аппарат влажную тряпку, чтобы не взорвался.

* * *

Неверно думать, что детская жизнь состоит целиком из беззаботных развлечений. У нас был свой чётко очерченный круг обязанностей. Помимо хождения в магазин он включал в себя ежедневное выбрасывание мусора. Тогда ещё контейнеров не изобрели, а про мусоропровод мы в своих пятиэтажных домах и мечтать не могли. Хотя в девятиэтажках на Толбухина он был.

Мешки для мусора тоже не успели придумать. В каждой семье имелось мусорное ведро – как правило, обычное оцинкованное. Эмалированное было не практично: быстро выходило из строя. Далее станет понятно, почему. На дно ведра аккуратно укладывалась газета, чтобы мусор не прилипал к стенкам и не размазывался. Да, чуть не забыл! Обыкновенных полиэтиленовых мешков мы пока ещё не знали. А когда появились, дружно всей страной их берегли и стирали. Потом сушили и хранили на особо важный случай. Как можно в них мусор-то?

По вечерам приезжала мусорная машина. Обычный

ГАЗ-51 с железной будкой, усиленной поперёк металлическим профилем. Сзади – скос с люком, прикрывавший бункер для мусора во всю ширину машины. Мусорка всегда ехала одним и тем же маршрутом, останавливалась в определенных местах и, отчаянно сигналив, оповещала всех о своем прибытии. А детский народ с полными ведрами уже поджидал. Из машины выходил хмурый дядя, открывал сзади люк и занимал обзорную позицию сбоку, внимательно наблюдая за происходящим. Очень ругался, если кто-нибудь небрежно просыпал свой мусор мимо. Тогда останавливал процесс, доставал закрепленную сбоку лопату-шувель, и, не переставая ворчать, закидывал мусор в люк. После чего давал отмашку продолжать.

Грохот стоял невероятный. Каждый старался тщательнейшим образом выбить свое ведро о край люка. Понятно, что эмалированные подобного обращения просто не пережили бы. Да и оцинкованные у всех были гнутыми-перегнутыми. А когда бункер под люком наполнялся почти доверху, начиналось главное действо. Маэстро отгонял всех в сторону и включал рычаг сбоку машины. И от задней стенки бункера с тяжелым гудением по толстой центральной направляющей начинал медленное движение огромный нож типа бульдозерного, который утрамбовывал мусор к середине. Потом так же медленно возвращался в исходное положение. А бункер уже был чист! Волшебное зрелище! Ради него, право же, стоило каждый вечер бегать выбрасывать мусор. Если на на-

шей остановке не возникала необходимость уплотнения мусора (случалось и такое) то с пустым ведром брели за машиной до следующей. Иначе день, считай, прожит зря.

А ныне что? В подъезде – мусоропровод, около домов – мусорные контейнеры. Когда хочешь – тогда и выбрасывай. Сам себе в одиночку. Скучно, блин!

Я так увлекся смакованием подробностей неромантического процесса выбрасывания мусора, что можно подумать: скупое на события протекало наше детство. А вот и нет! И в этом вы довольно скоро убедитесь. Тут дело в другом. Поисковать ещё такого мальчишку, который не испытывал бы душевного трепета перед сложными механизмами. Я вот до сих пор обожаю самолеты, поезда и автомобили. Хотя к мусорным машинам, признаюсь, несколько охладел.

* * *

Наша соседка с пятилетним внуком отправились в магазин «Матрёшка» выбирать ему игрушку. По центру магазина располагался выложенный камнем бассейн, в котором плавала всякая игрушечная всячина. Соседка умилилась: «Димочка! Посмотри, какие уточки! А какой кораблик красивый!». Ребёнок внимательно осмотрел бассейн: «Баба. Я вот о чём думаю. Видишь посередине вентиль? Это для подачи воды. А другой вентиль сбоку – её сливать. Так вот я и думаю: чтобы открыть вентиль, это же надо залезть в бассейн?». Зага-

дочная детская душа. Какие «уточка», «кораблики»?! Ну, о чём с такой дремучей бабушкой говорить?

* * *

Немного о животных. Тараканов в нашей «хрущёвке», как ни странно, не помню совсем. Кстати, совершенно не понимаю, за что их так не любят. По мне так вполне милые и невинные зверушки. Ну, обожают людскую компанию, шуршат забавно. Вот клопы – другое дело.

Клопов у нас было полно. Обыкновенных постельных. Днём они жили под обоями или в плинтусах, а ночью выходили охотиться. Весь дом считали одной большой квартирой, где сами были хозяевами, а прочие мы – квартирантами и едой одновременно. Кусались относительно вежливо. В смысле – не больно. Но место укуса потом начинало чесаться. Война с клопами велась перманентная. Причём с явным их перевесом. Чем только не пытались эту ораву травить. Ничего не помогало.

Как-то поутру погожим зимним воскресеньем из щелей в полу начал пробиваться едкий вонючий дым. Сначала поднимался вверх тонкими струйками, затем повалил клубами. Родители даже и понять ничего толком не успели, как раздался требовательный звонок в дверь. Это соседка сверху пришла искать источник дыма. Тут же нарисовались озабоченные соседи уже с пятого этажа. И все дружно устреми-

лись на поиски источника задымления.

Соседа снизу поймали, что называется, на излёте. Семья уехала, он сам собирался вот-вот уйти и даже успел закрыть квартиру. Честно признался, что прикупил по случаю чрезвычайно эффективную (как его убедил продавец) дымовую шашку от клопов. Но совершенно не подумал, что в нашем доме легко просачиваться сквозь стены может не только звук. Как результат, спешно эвакуировалось квартир в общей сложности с десятков. Мы, открыв все окна на проветривание, отправились на целый день кататься на лыжах. Что делали остальные соседи, не знаю.

Кстати, единственными, кого не потревожила эта чудо-шашка, были сами клопы. Похоже, они её и вовсе не заметили.

* * *

Мама очень любила всякую живность. Конечно, не считая клопов. Их мама не любила. Но к мышкам (обыкновенным, сереньким), когда они заходили погостить, относилась вполне благосклонно. А голубей и вовсе обожала: кормила крошками хлеба и пшеном прямо на балконе. Когда мама на него выходила, голуби моментально слетались со всей округи. Я не разделял этой маминой привязанности и голубей откровенно недолюбливал.

Иногда заходил сосед дядя Володя. Долго мялся, застен-

чиво мычал, потом приступал к делу: «Понимаете ли, вот вы кормите на балконе голубей...» – «Кормлю! И буду кормить!» – мама была непреклонна. «Видите ли, Елена Ивановна... Они на вашем балконе кушают, а на моём, как бы это помягче сказать, отдыхают после обеда, что ли...». Дядя Володя был очень деликатен. Потому что голуби «отдыхали» на всех балконах сразу. На нашем, естественно, тоже.

* * *

Не скажу, чтобы голуби были нашим семейным проклятием, но какой-то рок, пожалуй что, тяготел. Однажды соседка с пятого этажа пришла к маме растревоженная. У неё на балконе в ящике для всякого хлама голуби вывели двух голубят. Но вот родители куда-то пропали, а голодные дети уже второй день жалобно пищат. Понятно, что мама не могла оставить их в беде и забрала новорожденных к нам домой. Поселила в коробке из-под обуви под батареей.

Перво-наперво возникла проблема, чем и как их кормить. С этим разобрались с грехом пополам. То, что они пищали – ещё мягко сказано. Голубята верещали натурально как резаные, практически круглосуточно и без пауз. Примерно две-три недели квартира стояла, что называется, «на ушах». Но форменный кошмар начался, когда они научились летать! Всё наше жилище с непостижимой скоростью обрело вид балкона дяди Володи. Причём выгнать голубей из дома было

решительно невозможно. Моментом просачивались обратно и занимали наблюдательный пункт на бронзовой собаке. Типа, вы чего вааще? Из родного дома гоните?!

Родители поехали в Крыжовку (15 км от города), где снимали дачу. Голубей забрали с собой и там выпустили на свободу. Вечером счастливые папа и мама прибыли домой, вошли в квартиру и обнаружили питомцев сидящими на любимой собаке. Ну, что с ними делать?

Выход, в конце концов, нашёлся. Летом мы отправились к тётушке в Феодосию. До Симферополя летели самолетом. Мы – в креслах, голуби – в посылочном ящике со специально просверленными дырочками. Были отпущены на волю прямо в аэропорту. И обратно уже не вернулись! Слава Богу, оказались не почтовыми.

* * *

У нас дома из всякого зверья кто только не квартировал. Обычные мышки, морская свинка, черепахи (две!), белка, попугайчики, хомяк, рыбки. Те же голуби. А позже – собаки. Одна пришла сама. Но самым страшным зверем оказался – ни за что не поверите! – обыкновенный ёжик.

Я его купил за рубль у мальчика из соседнего дома. К покупке мама отнеслась сдержанно. Наверное, немного ревновала, что это моя добыча, а не её. Все прочие звери, кроме белки (тоже – моя инициатива), у нас появлялись с маминной

подачи.

Игратья со мной ёж не захотел. Он очень хорошо покушал, попил молока из блюдечка, ушёл под диван и там заснул. А ночью вышел на охоту! Тут уж никому мало не показалось. Никогда бы не подумал, что один среднего размера ёжик способен топтать, как целый полк солдат. При том ещё и громко сопеть. Уже под утро отправился на кухню. По пути в коридоре ухитрился залезть на полку, с грохотом упал оттуда, заодно уронив какую-то звонкую утварь. Короче, спать не дал всей семье.

Утром выяснилось, что весь свой славный охотничий путь ёж «украсил» равноотстоящими кучками. Животное обладало каким-то непостижимым метаболизмом. Создавалось впечатление, что ёжик «выдал на-гора» значительно больше продукта, чем накануне употребил еды.

На третий день мы вывезли ежа в лес и отпустили на волю. По счастью, он тоже оказался не почтовым. Я не рискнул, подобно своему предшественнику, выставлять его на продажу, дабы не нажить себе врагов во дворе. А тот мальчик из соседнего дома... Бог ему судья. Кстати, белку также отвезли в родную стихию. Она (точнее, это был он) была уже немолода и никак не хотела приручаться. К тому же, как выяснилось, очень больно кусалась. Папе через кожаную перчатку она насквозь прокусила палец, когда он водворял ее обратно в клетку после её прогулки по комнате. Поди ж ещё поймай это пушистое очарованье!

Понимание того, что женщина (в смысле, девочка) – тоже человек, пришло далеко не сразу. Лет уже в 9-10. Дворовые игры того времени – «Али Баба», «Казачи-разбойники», лапта, «Чиж» – вполне допускали участие барышень. «Ручеёк» – и вовсе со сладостным замиранием сердца. Лет примерно с 11 увлеклись. А вот эти их девчачьи «секреты», «Дочки-матери» – совершенно не наше. Более того, водившегося с девочками запросто могли предать остракизму, то есть облить общественным презрением. Кому же это надо?

В раннем возрасте мы не брали девчонок в суровые мужские забавы. Хотя сами в их развлечениях иногда снисходительно принимали участие. Всякие «классики», скакалки на вылет. Находились даже отдельные ловкачи среди пацанов, которые вполне могли составить им достойную конкуренцию. Но это был не я: спортивною никогда не отличался, несмотря на то что перепробовал разные виды спорта. Футбол, хоккей, баскетбол, волейбол – не преуспел ни в чём. Неплохо ходил на лыжах – папа научил. Плаваньем ещё прозанимался года два с половиной. При том что показывал неплохие результаты, пределом возможностей стал лишь скромный юношеский разряд. Вот мой старший брат дослужался до взрослого.

У нас было два тренера по плаванию – Виктор Иванович Колесников и Анатолий Иванович Козырев. Высокий статный светловолосый мастер спорта СССР Анатолий Иванович мне почему-то нравился больше, хотя возился-то с нами главным образом как раз Виктор Иванович. Когда дома поставили телефон, я стал Анатолию Ивановичу периодически названивать. Поговорить хотелось очень, хоть было совершенно не о чем. Любимый тренер отвечал мне подчеркнуто лаконично, но неизменно вежливо. Терпеливо ожидал, когда я сам наобщаюсь и отпущу его на свободу.

Однажды Виктор Иванович маму огорчил. Тяжело вздохнув, признался, что, несмотря на хорошие природные данные, чемпионом мне, по его мнению, стать не суждено. Аргументировал свой приговор конкретным примером. На последних соревнованиях я стартовал очень здорово. Но посреди дистанции почти остановился. После финиша свое «зависание» объяснил тренеру просто и доходчиво: мол, Гарик сильно отстал, и непременно следовало его подождать. Мама знала, что Гарик – мой лучший друг. А как было по-другому? Друзей ведь в беде не бросают?

* * *

Раздевалка бассейна Дома офицеров. По ней, как неприкаянный, бродит человеческий детеныш и горько плачет. Худенький совсем, в чёрных плавках и сиреневой плавательной шапочке. Все побросали дела и бросились человека утешать. Оказалось, никак не может найти свою одежду. Ребята приняли в поисках самое деятельное участие. Перерыли все шкафчики, но так и не нашли. Про кражу и мыслей не возникло: такого у нас ещё не бывало. А малыш рыдает безутешно. Потом одного паренька из тех, что постарше осенила догадка: «Слушай! А ты вообще-то мальчик?». «Девочка...» – сквозь слезы признался ребенок.

* * *

Однажды я снискал славу отчаянного храбреца. Даже в героях двора проходил целый день. А получилось так. В нашем районе было полно новостроек. И мы с пацанами по ним увлечённо лазали. Вот хотя бы на стройке дома № 6б по соседству с нашим. В процессе освоения объекта непонятно откуда нарисовался сторож и с криком «Вот я вас!» погнался с колом в руках. Вряд ли он стал бы нас убивать, но было очень страшно. Все «дунули» кто куда, а я с перепугу мет-

нулся в тупиковую комнату. Когда сторож возник в дверном проеме, я ни секунды не думая сиганул вниз прямо с балкона второго этажа. Приземлился в кучу песка и моментом унёс ноги и прочие части тела куда подальше от злобного сторожа.

Когда наша орава воссоединилась, ребята дружно выразили восхищение моей смелостью. Я понимал, что «подвиг» совершил исключительно со страху и от отчаяния, но скромно умолчал об этом, принимая якобы заслуженную похвалу. Было приятно.

* * *

Самая крупная стройка вблизи нашего дома случилась, когда возводили кинотеатр «Партизан» (теперь называется «Дом кино»). Мы знали, что он будет не только самым большим в Минске (1000 мест), но и первым широкоформатным. Очень гордились этим. Ясное дело, освоили строительство вдоль и поперёк.

Когда «Партизан» открылся, первым фильмом прошли «Три толстяка» Алексея Баталова. Широкоформатный! Перед началом показали киножурнал – кажется, «Новости дня». Тогда 10-минутный журнал перед сеансом был обязательен. Чаще те же «Новости дня», но иногда выпадала удача посмотреть смешной «Фитиль». Киножурнал шёл на маленьком экране. По бокам – тяжёлые тёмно-красные шторы, снизу и сверху – чёрная драпировка. После журнала в зале

на пару минут зажигали дежурный свет, чтобы успели рассесться те, кто опоздал к самому началу. Потом с волшебным гудением шторы уходили вбок, а драпировка синхронно уплывала вверх-вниз. Огромный белый экран стремительно как бы наплывал на тебя. Уже от одного этого дух захватывало! А потом шёл фильм со стереозвуком. Не знаю, сколько Д тогда называлось, но звук был таким объёмным, что содержание фильма как бы отходило на второй план.

Брать билеты в «Партизан» считалось неслыханным пижонством. Ведь это же был НАШ кинотеатр! А какие, к чёрту, могут быть билеты в собственный кинотеатр? В наличии имелось несколько способов проникновения в зал без билетов. Они варьировались сообразно ситуации. Нюансы рассказывать не буду, дабы никого не вводить в соблазн. Однако на этом тернистом пути случались издержки – кого-нибудь, а иногда и всех сразу, попросту ловили.

Правонарушителей отводили в детскую комнату милиции, которая удобно располагалась в соседнем с кинотеатром доме. Там нас держали, как правило, часа два. Скучно не было, игр и развлечений хватало. Я, к примеру, именно там пристрастился к шахматам. Затем символическим пинком («чтоб я вас больше тут не видел!») лейтенант придавали нам ускорение и отпускал по домам.

С тех давних пор при ответе на вопрос «Имел ли в прошлом конфликты с Законом?» всегда испытываю затруднение. А приводы в детскую комнату милиции как считать?

В моем «криминальном» детстве имели место эпизоды и посерьезнее. Видать, пришло время покаяния. Ну сколько, в конце концов, можно носить тяжесть в душе? А если кроме шуток, то веселиться тут особо нечего. И гордиться тем более нечем. Я и не горжусь.

Кража карандаша из магазина «Культтовары», что по улице Волгоградской. Карандаш «Светоч», простой (не цветной), цена – 2 копейки. Хищение совершено группой лиц по предварительному сговору. Возрастной состав группы – 7–8 лет.

Не то чтобы эти карандаши были нам так уж необходимы. Просто в «Культтоварах» располагались они, скажем так, несколько провокационно. Лежали себе прямо на прилавке в открытых стеклянных ячейках. Стоишь, смотришь на продавца честными глазами... А как только она отвернется, карандашик – цап и в рукав. Лично мне процесс не доставил никакого удовольствия. Потому и ограничился самым маленьким и дешёвым карандашом. Уж больно не хотелось чувствовать себя в компании друзей белой вороной.

Когда «шли на дело», наш неформальный лидер на общем построении строго предупредил, что если кого поймают, то про остальных молчать, как рыба. А то лично рожу начистит. К слову, его же как раз и поймали. И он с легкостью всех

заложил.

Накрыли нашу шайку уже на выходе, когда вместо того чтобы быстренько смыться, прямо около магазина в пылу азарта стали делиться впечатлениями и хвастать друг перед дружкой добычей. При «атасе» применили старую проверенную тактику: брызнули как воробьи в разные стороны. Свой единственный карандашик я домой не понес, а закопал в песочнице.

Сидим, обедаем. Звонок в дверь. Папа пошёл открыть. На пороге – высокий насупленный мужчина, цепко держащий за шиворот моего дружка. Как выяснилось, сам директор магазина захотел разобраться. Я побежал в песочницу, откопал свой карандаш и с легкой душой сдал награбленное. Остальные поступили так же. Директор оказался человеком понимающим, не злым. Даже в школу пообещал не сообщать при условии, что мы больше так делать не будем. Отрадно, что свое обещание сдержали все стороны конфликта. А меня родители решили не наказывать. Я ведь искренне раскаялся в содеянном.

* * *

Хоть магазины от наших набегов более не страдали, но если уж быть честным до конца, ещё один похожий эпизод в моей биографии имеется. На улице Белинского рядом с военной частью солдаты строили дом. Они же стройку и охра-

няли. На той стройке мы с другом (тем самым, неформальным лидером) присмотрели пенопластовые плиты. Возник смелый план: обзавестись такой плитой и поехать на Комсомольское озеро на ней поплавать. Ну в самом деле, не плескаться же на надувном круге подобно какой-то мелочи пузатой! Так что пенопласт, как понимаете, действительно был нам позарез необходим.

На стройку проникли, но опять же попались на месте преступления. Солдаты привели нас в бытовку и для начала пообещали отодрать пряжками. Мы как-то сразу поняли, что грозились они не серьезно, потому испугались не сильно. И правда: военные напоили нас чаем и усадили играть в шахматы. Зря мы, что ли, в детской комнате милиции квалификацию набирали?! А, наигравшись, отпустили по домам и на прощанье даже подарили полплиты вожделенного пенопласта. Но до озера мы так почему-то и не добрались. Что помешало, уже не помню.

* * *

С детства люблю костер. Если и есть место на земле, где на тебя нисходит благодать и покой, так это у хорошего лесного костра.

Палить костры было нашим любимым занятием. Но, поскольку с топливом (досками, ящиками), несмотря на обилие строек вокруг, иногда случались перебои, то придумали

простой способ его добычи. Ходили по домам и просили макулатуру. Тогда её собирали буквально все. Потому появление условных пионеров никого не удивляло: подавали нам щедро.

С незаконной добычей мы собирались на пустыре между домами и устраивали большой-пребольшой костер. Конечно же, не совсем хорошо было обманывать доверчивых сограждан, но очень уж нравилось нам костры жечь. Куда больше, чем таскать в школу тяжёлые связки газетных излишков, изъятых у жителей наших домов. Да и где вы видели нормального пацана, который в душе не был бы пиротехником и поджигателем?

* * *

Увлечение пиротехникой также не прошло стороной. Взрывпакеты всякие, самопалы. Оказывается из обыкновенного замочного ключа с отверстием внутри можно сотворить классную бабахалку, если внутрь крошить серы со спичек и вставить затупленный и загнутый углом гвоздь на обыкновенной медицинской резинке. Гвоздь срабатывает как боёк. Получается громко и даже относительно безопасно. Сколько там той серы? Зато очень удобно пугать девчонок.

Однако мне больше легли на душу карбидные горелки. Это совсем просто: жестяная баночка из-под леденцов-монпансье, в крышке гвоздем делается дырка, внутрь – карбид

(на стройках его было полно), немного воды. Подносишь к дырке горящую спичку – горелка готова. Можно было, конечно, обойтись безо всяких дырок. А если банку с водой и карбидом надёжно замотать проволокой и бросить в огонь, то её разрывало цветочком. Тоже неплохо.

* * *

Само собой, вооружались, как могли. После того как по экранам страны прошли знаменитые польские «Крестonosцы» (начало 60-х), все как оглашенные носились по дворам с деревянными мечами и щитами. Я по малолетству держать меч ещё не умел, посему в «гонку вооружений» включился несколько позже – когда в кино пошли фильмы про индейцев с легендарным Чингачгуком (в главной роли – Гойко Митич).

Холодное оружие, в смысле ножи, категорически не приветствовалось. Разве что в «ножички» поиграть. Вот лук со стрелами, арбалеты – было. Дальше – больше. Рогатки делали из жёсткой проволоки с модельной резинкой. Стреляли алюминиевыми пробоями, которые тоже добывали из проволоки, загибая её уголком. Но вершиной творения были пробойные пистолеты и даже целые ружья. Изготавливались из обыкновенной половой доски с прорезью. Прорезь служила как бы аналогом ствола. Дальнобойность и кучность были на удивление приличными. «Убойную силу» обеспечивала

та же моделька (резина для кордовых моделей), которая, по понятной причине, была в огромном дефиците. Где её разживались, уже не помню.

Конечно же, далеко не самое безопасное из развлечений... Но у нас бытовал неписанный закон: оружие на людей не наставлять! За такое можно было и по ушам получить. А целиться по лампочкам танцевальной «веранды» в парке Челюскинцев – святое дело. Варварство, конечно. Да уж больно мишень хороша! Ох, и натерпелись от нас тамошние сторожа... А мы от них сколько?

* * *

Писатель Юрий Бондарев задался вопросом: почему во все века орудия смертоубийства люди делали красивыми и эстетичными, подобно произведению искусства? А действительно, почему? Но факт – непреложный. Достаточно походить по музею, чтобы самому убедиться.

Вот и мы свои ружья и пистолеты «ваяли» с любовью. Сначала из доски по карандашному контуру (были свои художники) ножовкой выпиливался черновой вариант. Далее пускали в ход ножик, стамеску, рашпиль, напильник, наждачную бумагу. В хорошем варианте на изготовление уходило несколько дней. Да ещё не забыть нанести раскалённым гвоздём на цевьё и приклад узорный рисунок! Клеймо мастера предусмотрительно не ставили. Хоть и глупыми были по мо-

лодости, но не совсем же идиотами, чтобы так подставляться.

* * *

Как и все дети, любили спортивные игры. У торца нашего дома находилась баскетбольная площадка – кстати, единственная на полтора десятка близлежащих домов. Но в баскетбол играли редко. Популярным было другое развлечение с бросками по кольцу. С набором очков за броски разной дальности. Игра эта называлась по-дворовому неблагозвучно, с намеком на ту часть тела, куда проигравший по окончании принимал удары мячом сообразно разнице в очках. Для чего следовало повернуться спиной к победителю, принять соответствующую позу покорности и по возможности мужественно терпеть свой проигрыш. «Пенальти» пробивался ногой по мячу с прицелом непосредственно в филейную область. Больно, когда попадали!

Но чаще играли в футбол на «пульку», то есть на маленькие ворота (у нас – баскетбольные стойки) без вратаря. Понятное дело, что не зимой. Потому что зимой играли в хоккей.

Хоккей обожали. Хотя своего катка или где поблизости не было. Пробовали заливать нашу площадку, но прямо по её середине очень некстати проходила трасса теплосети. Топила снег и лёд даже в самые снежные и свирепые зимы: страна

была щедра на дармовой обогрев родной земли. Потому играли прямо на подъездных дорогах у домов. В ботинках или валенках (без коньков), по утянутым от гастронома деревянным ящикам вместо ворот. Поднимать шайбу выше колена по договоренности запрещалось. Да и мудро было это сделать нашим хоккейным инвентарем, сколь ни обтачивай перо клюшки, не перематывай его изолентой.

Клюшки хоть и были заводскими, но весьма хреновыми. Родной Телеханской фабрики, из качественной цельной красноватой древесины (дерева тоже не жалели), однако неуклюжие и почему-то с пером в виде трапеции. Иногда ездили к будущему Дворцу водного спорта, что у ботанического сада. Там на хоккейной коробочке тренировались и играли настоящие мастера. Свои поломанные клюшки выбрасывали через борта коробочки, а за ними уже стояла очередь из страждущих нас. Изредка кое-что удавалось даже худо-бедно отремонтировать. Но зато это были самые настоящие «Ленинград» или МЭФСИ (московская экспериментальная фабрика спортивного инвентаря). Легкие, почти невесомые, с правильной формы «крюком» (изгибом пера), – предел мечтаний каждого пацана! Но в нашем магазине «Турист» они никогда не продавались. (Пишу и буквально чувствую на языке это волшебное звучание: «М-Э-Ф-С-И»...)

Изредка ездили покататься на большой каток. Ближний к нам заливали на футбольном поле около тогда ещё открытого бассейна Дворца водного спорта. Вечером играла музыка, каток освещался фонарями, коньки выдавали напрокат. Людей, скользящих туда-сюда, как правило, бывало много. Кругом – оживление, смех. Всё это в совокупности создавало тёплую атмосферу праздника. Тем не менее кататься на коньках я толком так и не научился.

Как-то весной прошёл слух, что каток – самый настоящий Клондайк. Ну, мы и рванули туда не мешкая. Но не успели: по тающему льду уже деловито бродила команда местных пацанов. Каждый был вооружен длинной тонкой железной арматуриной. При помощи которой, собственно, деньги и добывались. Откуда деньги? Да от тех отдыхающих раззяв, что ещё зимой падали, катаясь. А монеты, просыпаясь из карманов, вмерзали в лёд. Лёд по весне, как положено, начал таять, понемногу обнажая «золотоносную» жилу.

Мы выказали намерение ребятам помочь. Очень скоро выяснилось: нас никто не ждал и в помощи не нуждался. Это было обозначено настолько недвусмысленно и, я бы сказал, жёстко, что мы еле ноги унесли. Пускай не добыв ни гроша, зато целыми. Неудача даже особых возражений не вызвала: большой каток к нашей «епархии» не относился. Здесь ца-

рила соседняя с ним 103-я школа.

* * *

Кто не знает картину Василия Сурикова «Взятие снежного городка»? Мы тоже уважали эту забаву. Только вместо пьяных дядь и тётъ в нашем варианте фигурировали трезвые дети. И строить снежные крепости было куда интереснее, чем потом разрушать. Иногда на строительство уходил весь световой день. Работа хоть и кропотливая, но коллективная и увлекательная. Спешить было некуда, времени хватало вполне.

Дело в том, что зимой при удачном раскладе на нашу долю выпадало аж трое каникул. Одни – плановые новогодние, потом неперемный карантин из-за эпидемии гриппа, ну и для полного счастья – третьи, по причине больших морозов. В школу не ходили, зато целыми днями пропадали во дворе. Лично я забегал домой только перекусить да сменить промокшую насквозь одежду на сухую. Задерживаться было некогда, важных дел – по горло.

Ещё прокапывали в снежных брустверах, что нагребали дворники у подъездных дорожек, разветвлённые ходы сообщения, где можно было перемещаться почти в полный рост. Вот теперь думаю: то ли снега выпадало тогда намного больше, то ли деревья и сугробы были такими большими © вследствие нашей природной малости. Возможно, справедливо и

то и другое.

* * *

Столь нелюбимые родителями и педагогами азартные игры. Куда ж без этого? «Сперва играли в «фантики», в «пристенки» с крохоборами» (В.С.Высоцкий). В «фантики» играли нечасто, но правильно сложить их для игры, думаю, смогу и поныне. И крохоборы среди нас вроде бы почти не водились. А на смену классическому «пристенку» пришла «тюха», она же «биток».

«Тюхи» отливали из свинца. Делаешь с помощью лампочки в песке нужную форму и заливаешь в неё расплавленный в консервной банке свинец. Когда остынет, немного подработать края напильником и – готово. Из олова «тюхи» получались значительно красивее, хоть и легче по весу. Да только олово достать было сложнее.

Старшие ребята играли на деньги. По этой причине почти вся имевшаяся в хождении медная наличность была «тюхами» перебита почти до стирания «орла» и решки. А нам по малолетству играть на деньги было не по чину. Потому использовали обычные пробки от пивных бутылок, лимонада или минералки. Особо ценилась от «Нарзана»: на ней был нарисован орёл. У каждого в кармане звенел постоянный запас пробок для игры.

Ещё, поскольку все как один были заядлыми коллекцио-

нерами, часто играли в «марки». Это когда сложенные стопочкой или даже одиночные марки накрывались ладошкой, которую следовало резко приподнять. Так, чтобы потоком воздуха перевернулась и марка. Марки особой ценности (мы их называли «колонии») нужно было «загасить» более одного раза. Настоящие филателисты за такое обращение с марками нас бы наверняка поубивали.

Вот картами не помню, чтобы увлекались. Не только на «интерес», но даже и просто так.

* * *

Если лет в 5–6 гуляли относительно недалеко от дома, то годам к 8–9 география перемещений увеличилась ощутимо, – особенно когда «стали на колесо». Лично у меня был велосипед «Школьник», некоторым друзьям повезло с «Орлёнком». Ну а на взрослом – разве что под рамой. Так что такие относительно удалённые места, как парк Челюскинцев, ботанический сад или детская железная дорога, исколесили и облазали вдоль и поперек.

Я почти всё время пишу о нас во множественном числе совершенно не случайно. Конечно же, выпадало передвигаться и поодиночке. Но это по делам – в магазин, на тренировку, занятия какие-нибудь. А так всё больше группами. От двух до десяти человек. Во-первых, одному скучно, во-вторых, не всегда безопасно.

Дело в том, что любили нас далеко не везде. Скажем, малый поселок, что по ту сторону Волгоградской, или соседняя улица Кедышко. Уж не знаю, почему кедышкинские пацаны были так неприветливы, но район 63-й школы лучше было обойти стороной. Очень неуютное место!

Вот ботанический сад – другое дело. Облазили каждый кустик, знали, где растут вполне приличные грибы. А любимым развлечением было обойти массив по верху почти двухметрового кирпичного забора, не спускаясь на землю. Не так-то это было просто: забор настолько зарос деревьями, что временами приходилось пробираться, как в джунглях. И путь не ближний – где-то полпериметра ботсада.

Завершался маршрут выходом по забору к заболоченному ручью. В нём самодельными сачками ловили головастиков и дафний для рыбок. Но за ручей – ни ногой: одноэтажный район Слепянка заслуженно прослыл одним из самых бандитских в городе. А нам оно было надо?

* * *

Небольшая вставочка из настоящего. Водил внука на занятия в дошкольную «Умняшку». В перерыве наблюдал такую картину. К внуку подбежал маленький курчавый пацанёнок: «Денис! А давай Марку вломим!». Дёня, мальчик по натуре миролюбивый, тут же поинтересовался, за что же это надо «вламывать» Марку. «Ну, как же? Тебе сколько лет?

Шесть? И мне – шесть. А ему ещё пять. Давай вломим Марку!»». Дениска ожидаемо не согласился.

Вот она, неумолимая правда жизни... Если человек младше и слабее тебя, то это уже вполне достаточный, а то и необходимый повод, чтобы ему «вломить». Понимаю, что с шестилетнего малыша спрос невелик. Но ведь он же со временем вырастет!

* * *

Как ни покажется странным, особенно по прочтении всего вышеизложенного, но дрались мы в детстве довольно редко. И практически никогда, что называется, «из любви к искусству». Были, конечно же, в нашем районе совершенно отможенные пацаны, но с ними никто старался не связываться. Во всяком случае, в моей привычной среде таковых не было. Случалось иногда и мне получать, ну так это же за компанию с друзьями!

Так уж вышло, что меня во дворе не только не били, но даже и не обижали. Я и повода особого не подавал: рос добродушным толстеньким увальнем. Был незадирист, покладист, зла держать не умел. Да и попробовал бы меня кто пальцем тронуть! А старший брат на что?

Брата в нашем доме и его окрестностях ребята знали очень хорошо. Невысокого роста, но, в отличие от меня, худощав и спортивен. К тому же решителен, бесстрашен и скор

на расправу. Что не давало ни малейшего шанса имевшим намерение меня хотя бы обидеть. Вот и не обижали. Здорово, когда есть старший брат!

* * *

А вот от самого брата мне иногда доставалось. Был суров, но справедлив. Воспитывал меня правильно, но жёстко. Однажды, когда мне было еще лет пять, родители пошли в гости. Брату категорически наказали никуда не отлучаться из дому, а вечером – накормить меня ужином и уложить спать. Честно говоря, я бы и сам прекрасно справился, чай не впервой. Но папа с мамой почему-то решили именно так.

Как только родители за порог, братец моментально свинтил из дома, чем, скажем прямо, удивил меня не сильно. Ближе к ночи вернулся и мы легли спать. Утром мама спросила, когда я лёг. Ну, я честно и ответил: «А вот сразу, как Андрюша пришёл». Ох, и получил я от него!

Иногда приходил ко мне с деловым предложением: «Одолжи рубль». Хорошо зная его характер и то, что он понимает под словом «одолжи» применительно ко мне, я не возражал, а просто с тяжелым вздохом молча лез в свой заглажник. Он принимал мой рубль, говорил скороговоркой «мама отдаст» и быстро исчезал за порогом. Как это, интересно, мама отдаст, если она даже ничего не узнает?! Во всяком случае, точно не от меня.

Если б я тогда знал такое умное слово как «инвестиция», то наверняка утешился бы этой мыслью. Но я ничего про инвестицию не знал, потому и грустил. Правда, совсем недолго.

* * *

Тут, пожалуй, вы решите, что я заврался окончательно. Но вот честное благородное слово, матом мы почти не ругались! И тем более никогда при девочках или взрослых. Девочки с таким не водились, а от взрослых запросто можно было и по шее получить. Говорю «почти», потому что нужные слова, конечно же, знали. Использовали разве что применительно к ситуации. «Вася, этот нехороший человек мне на ногу батарею уронил!» ©.

Мы не знали, что правильное название мата – ненормативная или табуированная лексика, но твердо усвоили, что это очень плохие ругательства... Да и взрослые матом не злоупотребляли: услышать его в публичном месте было большой редкостью. К тому же прилюдная матерщина почти всегда вызывала негативную реакцию окружающих. Вот на стройке – это сколько угодно (см. выше, про батарею).

Меня сильно раздражают бесконечные и беспредметные дискуссии всяких деятелей культуры и искусства о пользе мата для русского языка. Бред какой-то! А жизнь, она течёт своим чередом. К примеру, две тонконогие девчушки-школьницы, каждая с рюкзачком за плечами, идут под

ручку. То ли в школу, то ли из школы. И всю щебечут матерком о своем, о девичьем. Кого нынче удивит такая картина? Вот и хочется ехидно спросить: «Ну что? Додискутировались?».

Если я и хочу в какой Советский Союз, так это в тот, где матом именно что *ругались*, да и то лишь по необходимости. А не просто буднично разговаривали на любые темы, как это сплошь и рядом происходит сегодня...

* * *

Ну а что же родители? Ужели знали про все мои детские развлечения и приключения? Как принято говорить, «хороший вопрос». Печально вздохнув, честно отвечаю: по большей части не знали. А теперь уже и не узнают. Может, о чём и догадывались, но никогда не устраивали допросов с пристрастием. Ни мне, ни брату. Для них право ребенка на личную жизнь и доверие к нему были настолько святы, что ради этого мужественно жертвовали родительским спокойствием.

Во времена нашего детства у папы с мамой не было возможности прочесть замечательную книгу Януша Корчака «Как любить ребёнка». Она издана значительно позже. Кажется, уже в 80-е годы. Но если бы читали, то наверняка под каждым ее словом подписались бы двумя руками. А я, когда её читал, с благодарностью думал о своих мудрых и терпеливых родителях.

Пацаны во дворе увлечённо играли в футбол. «Клубилась пыль, рикошетил гравий. Бил по мячу расторопный крайний.» (М.К.Щербаков). Примерно так. А неподалеку стоял мальчишка и с завистью смотрел на чужой праздник. Он был чистенько одет, в руках держал скрипичный футляр: человек шёл на урок музыки.

Тот мальчик (мой друг) уже давно стал дедушкой. Но любимую гитару и поныне частенько берёт в руки. Обожаю эти моменты.

Мамино признание стало для меня откровением. Оказывается, она всю жизнь переживала, что не отдали меня обучаться музыке. Сказала, что они с папой подумали и решили не лишать меня законных радостей детства. За что я родителям отдельно благодарен, хотя музыку очень люблю.

Здравствуй, школа! И прощай

Считаю себя баловнем судьбы. Если в раннем возрасте я этого ещё не понимал, то в старших классах уже вовсю блаженствовал в лучах счастливой звезды. Но апогея она достигла, несомненно, уже в студенчестве. Говорю о людях, которых жизнь щедро посылала мне в годы учёбы. Уверен, без них вряд ли я чего-нибудь стоил бы как человек, поскольку не так самонадеян, чтобы мнить, будто сотворил себя сам, без помощи друзей и учителей. Причём *учителей* в более широком смысле этого слова, чем только лишь педагогов. Я говорю о тех людях, у кого было чему поучиться (если ты в принципе обучаем и не совсем уж туп от природы). Грабли граблями, но ведь есть же и другие полезные инструменты познания жизни!

И вообще мне часто везло. Да вот хоть бы и в том, что учился в школе 10 лет, а не 11, как бедные нынешние дети. А кое-где, говорят, и по 12 лет учатся. Ужас!

* * *

Мне было лет 10, когда папа пригласил меня в свой кабинет и показал фотографию. На ней был усатый старичок. Волосы седые, длинные и как-то не слишком аккуратно причёсанные. Печальный, слегка настороженный взгляд, руки сло-

жены замочком. Лицо изрезано морщинами, особенно лоб и вокруг глаз. Отец поинтересовался, как я могу объект характеризовать. Я ещё раз внимательно изучил фото. Человек на нём отдаленно напомнил нашего соседа, только уже в преклонном возрасте. Того самого, что становился добродушен лишь будучи навеселе. В такие моменты черты лица у него смягчались, а лучики морщинок ласково разбегались от глаз.

«Выпивает часто?» – осторожно предположил я. – «Дурень ты маленький, – огорчился папа, – Видно же: человек очень добрый». Вздохнул и спрятал фотку в папочку. Значит, хоть я и ошибся, но мыслил в правильном направлении. Коль скоро догадка о доброте была верна.

А симпатичный дедушка с фотографии оказался не только добрым, но ещё и умным. Теорию относительности придумал...

* * *

В школу пошёл шести лет. Семь исполнилось лишь в конце ноября. По этой причине все годы учёбы был самым младшим, – и в обеих школах, где учился, и в университете. Не скажу, чтобы это доставляло большие хлопоты, но всё же.

Ближайшая школа № 13 находилась через два дома от нашего. Потому ходил один, без сопровождения. Даже 1 сентября отправился без мамы. Торжественную линейку не помню, а вот первый день запомнил хорошо.

Когда, слегка обалдевшие от непривычного шума, все собрались в огромном коридоре около класса 1«В», пришла учительница. Завела всех в класс, рассадила по партам, назвала себя. И приступила к переключке – знакомству с первоклашками. Из журнала по алфавиту зачитывала фамилию каждого. Услышав свою, следовало встать и по возможности отчётливо сказать «Я».

Деревянные парты были с откидной крышкой, которую нужно было открывать, вставая. Иначе она не давала выпрямиться. Я заметил, что почти все с непривычки забывали это делать, потому каждое очередное «Я» учительница радостно комментировала: «Вот какой маленький мальчик». Или: «Вот какая маленькая девочка». Я твёрдо решил, что когда подойдёт очередь, непременно открою крышку и распрямлюсь во весь могучий рост. Но когда назвали мою фамилию, от волнения про крышку, конечно же, позабыл. Ну и услышал: «Вот какой маленький мальчик!». От досады на себя чуть не разрыдался.

* * *

Дежурные назначались по очереди. Не на весь класс, а по рядам. Перед первым уроком звонко докладывали учительнице: «В моём ряду все чистые. У всех – воротнички». Воротнички накануне пришивали, понятно, мамы. А при входе в класс дежурные проверяли у всех чистоту рук и, поче-

му-то, ушей. Наверное, в целях лучшей усвояемости материала. «Мальчик! Достань из уха банан!» ©.

На тетрадки отличников учительница скрепкой шпилила маленькую красную звёздочку в белом кружочке. Я такой чести ни разу удостоен не был, – писал, как курица лапой. Видать, не судьба!

Писали перьевыми ручками по прописи. Нажим – тонкая линия, нажим – тонкая... Кляксы ставили безжалостно. А на одну тетрадку полагалась всего-то одна промокашка! Которая очень быстро заканчивалась. Промокашки были в большом дефиците, поскольку отдельно от тетрадей не продавались.

В специальных мешочках таскали с собой чернильницы. Ставить их в ранец было рискованно. Как справедливо заметил мальчик из фильма «Дело Румянцева», «чернильница-невыливайка – очень даже выливайка, если её потрясти». Истинную правду сказал. Они ещё иногда и разбивались при падении с парты на пол: стеклянными были.

* * *

К своему стыду должен признать, что к первой своей учительнице особо теплых чувств не сохранил. Звали её Мария Афанасьевна. И фамилию помню. Была уже не молода, с высокой «гулей» на голове. В точности, как у завуча из фильма «Доживем до понедельника». Шумная и, мягко говоря,

очень малоделикатная. После родители признались, что считали её весьма посредственным педагогом (о чём мне, понятное дело, не говорили: не хотели подрывать авторитет учителя).

Нам ещё крупно повезло. В параллельном классе «Б» «разумное, доброе, вечное» «сеяла» Екатерина Пименовна, мужеподобная крашеная блондинка. Даже мы боялись её, как огня. Чуть что – ругалась, била по рукам линейкой. Одному пацану дала такой свирепый подзатыльник, что он, бедный, ткнулся лицом в парту и расквасил нос до крови. Родители – их можно понять – устроили страшный скандал. Точно не помню, но, кажется, педагогическая карьера Екатерины Пименовны на этом закончилась. По меньшей мере, в нашей школе. «Б» облегчённо вздохнул.

* * *

В домах было на удивление много близнецов: в нашем – две пары, в доме напротив – три. А ещё в одном жили и все тройняшки. Веснушчатые белобрысы Вася и Серёжа учились в нашем классе. Жили как раз в доме напротив. Очень разные по характеру, хоть и похожие как две капли воды. Вася был добродушным, а Серёжка – вредным.

Когда учились во втором, Мария Афанасьевна построила класс и повела в фотоателье на Волгоградскую. Там всех по очереди сфотографировали и пообещали сделать памятные

сувениры. Через неделю прямо на урок пришел лохматый мужик и принес в огромной авоське красно-белые пластмассовые шары. В каждом – круглое окошечко с вклеенным туда увеличительным стеклом. Если посмотреть, то видишь себя в цвете. Очень впечатляло!

Раздавать шары учительница поручила Васе. Он смотрел в окошечко и называл фамилию счастливого владельца. Каждый подходил за своим шариком. Кстати, стоили они рубля по три: не так, чтобы даром. «Это Серёжка» – Вася вручил шар брату. Шары закончились, а своего он так и не нашёл! Тут же, без всякой паузы заревел в голос, натурально как белуга. Учительница на пару с мужиком безуспешно пытались его утешить. «Я подумал, зачем два одинаковых? – оправдывался незадачливый фотограф, – Не плачь, парень! Завтра тебе принесу. Да ещё покрасивее, чем у остальных!». На том и сошлись.

* * *

Мальчика Яшу, с которым я в третьем классе сидел за одной партой, прямо на перемене посетил вдохновение. И он написал стих, который мне тут же и прочитал:

*Владимир Ильич! Дорогой и родной!
Ты всеми любим и для нас ты живой!
Не может такой человек умереть!*

Родные черты мы клянемся сберечь!

А ещё через пару лет Яша вместе со всей семьёй отбыл на ПМЖ в Израиль. Бывает в жизни и так. Но ведь писал-то, не сомневаюсь, от души! И вообще был добрым и славным пареньком.

* * *

На обложке моего букваря было написано, что построение коммунизма в СССР завершится к 1980 году. Ещё Никита Сергеевич об этом говорил по радио. Мы будучи школьниками даже и не сомневались.

Но в один пасмурный день «продвинутый» мальчик сказал мне по секрету, что Хрущёва свергли. И теперь вместо него будут три разных человека: Брежнев, Косыгин и Подгорный. Я не поверил мальчику. Самый главный должен быть один! А чтобы сразу три, так это ерунда какая-то получается. Пришел домой и спросил отца. Папа сильно удивился – прежде не замечал за мной интереса к политике, – но информацию подтвердил. А отцу не верить я не мог! Помню, возникло смутное ощущение тревоги от того, что мир не так крепко, оказывается, стоит на своих китах.

Второй раз подобное смятение довелось пережить спустя много лет, в дни ГКЧП. Только это было уже не просто тревожно, а откровенно страшно. Да ещё на зловещем фоне так

любимого мною «Лебединого озера»! Эх, Чайковский, Чайковский... Что же ты натворил?

* * *

Годом ранее, в 1963-м, мой отец после сильного приступа радикулита долечивался в санатории грузинского Цхалтубо. Но вернулся оттуда до срока. Был заметно утомлён и весьма озабочен. Маме сказал, что еле удалось выехать. Потом они сидели у него в кабинете и долго говорили о чем-то тихими встревоженными голосами. А я был в прекрасном настроении: очень обрадовался, что папа приехал.

В самом деле, нельзя же от пятилетнего ребенка ждать, чтобы он разбирался в политике и тем более понимал, что такое «Карибский кризис». Я и не понимал ничего. Вот в шесть (отставка Хрущёва) – уже совсем другое дело. Но после я оставил в покое большую политику аж на долгие 20 с лишним лет. Вплоть до перестройки.

* * *

Получили задание на дом выучить стихотворение о Ленине. Любое, на свой выбор. Папа посоветовал «Горцы у Ленина» Расула Гамзатова. Я задумался, – оно было непривычно длинным. Но отец привел убедивший меня аргумент: никто

другой точно не станет его учить. Да и стих мне понравился. На нём и остановился.

Папа был, как всегда, прав. На общем фоне стихотворение выглядело свежо. Во всяком случае, в сравнении с «Уж в этом чайнике нельзя должно быть воду греть. Но как нам хочется, друзья, на чайник тот смотреть!» (в классе – сразу 3 исполнителя). Далее по списку закономерно шёл Маяковский: «Двое в комнате: я – и Ленин! Фотографией на белой стене». При всём уважении к Владимиру Владимировичу, – далеко не лучшее его творение. Но два чтеца нашлось.

Первое место за стихотворение о Ленине я по заслугам разделил с отличницей, которая рискнула и осилила «Ленин и печник» Твардовского. Оно было ещё длиннее моего. Ну и прочитала с чувством. Молодец!

Папа очень любил Расула Гамзатовича Гамзатова. И стихи, и прозу. Особенно почитал биографическую книгу «Мой Дагестан» и песню «Журавли». А я из его богатого наследия (разумеется, кроме «Горцев у Ленина») помню лишь такое:

Нам эту мудрость завещали предки:

Нельзя откинуться на спинку табуретки!

* * *

Переход в пятый класс ознаменовал собой иное качество жизни. Младшая школа закончена. Уже не мальчики, но мужи. В смысле, повзрослели в одночасье. Много предметов –

много учителей. И целая гора учебников! Складывать портфель стало куда сложнее. Писать разрешалось чернильными авторучками. У меня была хорошая. Удивитесь, – китайская, отец подарил. Такие ручки очень ценились. Писали тонко, не пачкали и не текли, как прочие. Если кому интересно, шариковые появились значительно позже. Да и то, пользоваться ими в школе долгое время почему-то не разрешали.

Новое понятие – «классный руководитель». У нас им стала преподаватель русского языка и литературы Екатерина Романовна Долбик. Очень славная женщина и прекрасный учитель. Прежде была классной у моего брата, к которому относилась на удивление хорошо (в отличие от большинства других учителей, кому выпало счастье брата обучать).

На перемене подошли ко мне две подружки-отличницы и, глядя ясными глазами, доверчиво спросили: «Что такое – проститутка?». Оказалось, одну из них так назвал второгодник Сергей. А пояснить не удосужился. Почему девочки решили, что именно я непременно должен это знать, – ума не приложу. Наверное, внушал доверие.

Я смутно догадывался, что это значит. Но до конца уверен не был. Потому дал им совет спросить у Екатерины Романовны. Мол, она как учитель русского языка точно должна знать. Я-то думал, что удачно выкрутился из этой стрёмной ситуации. Но девочкам моя идея показалась здоровой и они крепко озадачили нашу классную. «Кто вам такое сказал?» – «А вот, Игорь сказал». И показали на меня. Учительница по-

смотрела ТАКИМ взглядом, что я был готов сквозь землю провалиться. Каким-то, что ли, удивлённым, и одновременно встревоженным. Второго в её глазах было, пожалуй, больше. Что им ответила – не знаю. Мне же не сказала ничего.

* * *

Получил в дневник запись: «Писал на парте!». Да не писал я на парте! Совсем не так было. Тогда только-только прошёл по экранам французский «Фантомас» с Де Фюнесом и Жаном Маре. Ну и подъезды всех домов были «фантомасами» расписаны. В чужом классе, куда нас зачем-то привели, я увидел на парте «автограф» следующего содержания: «Плювал на вас! Я – Фантомас!». Такую вопиющую безграмотность оставить без внимания я, понятное дело, не мог и ошибку тут же исправил. Был пойман с поличным. С записью в дневник.

* * *

Учиться было легко. И дело не только в том, что учёба давалась без особого труда. Мой неугомонный брат, сам того не ожидая, оказал мне поистине неоценимую услугу. Не то чтобы сам учился плохо. С этим-то как раз всё обстояло нормально. Просто волею судьбы и характера он частенько

оказывался в эпицентре, мягко говоря, не самых позитивных событий. Потому многие учителя от нашей фамилии ничего хорошего заранее не ждали. И тут я такой почти примерный. Короче, успешно работал на контрасте. Как в кино: следователь злой – следователь добрый.

Все «подвиги» брата мне, конечно, не были известны. Но кое-что помню. Например, такое. У них случился конфликт с трудовиком. Кстати, очень неплохой человек и учитель тоже. Звали его Игорь Евгеньевич Перегуд. Невысокий коренастый крепыш был лыс, как бильярдный шар, большие круглые глаза – немного навывкате. Внешне грубоват, строг и принципиален. Не диво, что ученики окрестили его Фантомасом. Увы, брат и К⁰ его достоинства оценили далеко не сразу.

История умалчивает, кто был инициатором, но бойцы не придумали ничего лучше, как разбить камнями стекла в школьной мастерской. В соответствии с логикой жанра шли «на дело» под покровом ночи. И конечно же были полностью избличены. Из праведной гордости даже отпираться не стали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.